Военное детство

А. РОДИМЦЕВ

МАШЕНЬКА ИЗ МЫШЕЛОВКИ

Машенька из Мышеловки

Александр Ильич Родимцев

Аннотация
Александр Родимцев. Машенька из Мышеловки
Встреча в пути
Машенька и ее дядя
Первые боевые дела
Битва на Сейме
Ночной рейд
Возвращение отряда
В боях за Тим
Маша и Миша
На Курской дуге

Аннотация

Все, о чем рассказал в этой повести дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Александр Ильич Родимцев, произошло на самом деле. Скромная и отважная украинская девушка Мария Боровиченко, получившая от бойцов знаменитой 13-й дивизии ласковое прозвище «Машенька из Мышеловки», существовала. Она хотела быть учительницей, но ей пришлось стать солдатом и защищать свою страну с оружием в руках. Жизнь ее оказалась короткой, а сила духа – неизмеримой.

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Для среднего школьного возраста.

Александр Родимцев
Машенька из Мышеловки

Серия «Военное детство»

Серийное оформление О. Рытман

© Родимцев А. И., наследники, 1968

© Пинкисевич П. Н., наследники, рисунки, 1968

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Встреча в пути

Я возвращался в Киев из военного лагеря с полевых учений и решил проехать напрямик через лес, хорошо знакомый мне еще со времен Великой Отечественной войны. Признаться, очень хотелось снова взглянуть на эти памятные места: здесь, у столицы Украины, бойцам нашей воздушно-десантной бригады довелось, выполняя приказ командования, стоять насмерть.

Двадцать пять лет — время, конечно, немалое. Лес за эти годы неузнаваемо изменился. Маленькие сосенки превратились в высокие деревья, густой березняк у дороги стал очень красивой рощей.

Все же я без особого труда разыскал в высокой траве следы наших блиндажей, и линию окопов, и глубокие воронки от бомб.

Долго стоял я среди этих засыпанных листьями и хвоей, размытых дождями рытвин и бугорков, и в памяти проносились картины сражений.

На высотке[1] у старой могучей сосны я поднял осколок снаряда. Весь изъеденный ржавчиной,

---

[1] Примечания: 1

Высотка — небольшая возвышенность, горка.

он был колюч и тяжел…

Сколько еще здесь было рассеяно такого свирепого, рваного металла! Вот и на мощном стволе сосны зарубцевались три глубоких шрама. Сосна — немая участница великой битвы — простирала над окопами свои ветви, чтобы укрыть наших воинов от смертельного огня.

А теперь она высится на песчаном взгорке, над зеленым раздольем молодого леса как живой памятник тем грозовым дням…

Пожалуй, я слишком увлекся воспоминаниями и не заметил, как стали надвигаться сумерки. До города было еще далеко, а дорога, заброшенная, наверное, со времен войны, готовила неожиданности на каждой сотне метров. Одной из таких неожиданностей оказалась канава, прорытая неведомо когда и кем. Канава была широка, и ветер прикрыл ее прошлогодними листьями.

Машина с ходу ударилась о противоположную кромку канавы, и мотор заглох. Шофер Анатолий вышел посмотреть, что случилось. Вдруг в кустах орешника вспыхнул узкий луч фонарика, потом стало слышно, как хрустят под ногами листья.

Где-то совсем близко звонкий голос выкрикнул:

— Передайте на пост: вижу легковую маши-

ну!..

Другой, хрипловатый голос откликнулся:

— Есть передать на пост…

— Как видно, лесники, — заметил Анатолий. — Только очень молоды, судя по голосам…

Я тоже вылез из машины и с интересом ждал появления неизвестных лесных жителей.

Из темных зарослей орешника, похожих на высокую и длинную скирду, на дорогу в свет луны одновременно выбрались трое ребят. Все трое были в шляпах, плетенных из соломы. У каждого на груди — красный галстук.

Тот, что стоял посредине, плотный паренек с фонариком в руке, заговорил первым:

— Разрешите обратиться, товарищи гости… Почему вы здесь остановились? Может, вам нужна какая-нибудь помощь?

— Если мы гости, — сказал я, — значит, вы хозяева?

— Да, здесь, за оврагом, пионерский лагерь «Костер», — отчеканил паренек. — Наш дозорный заметил машину. Почему она остановилась? Как видно, у вас что-то не в порядке?

Мне с первых слов понравился этот бойкий, деловой мальчуган.

— Молодец ваш дозорный! — сказал я, прибли-

жаясь к ребятам. — Что ж, давайте знакомиться, лесные молодцы.

Мальчик, стоявший справа, курносый и большеглазый (теперь при свете луны я успел рассмотреть их лица), толкнул локтем товарища и прошептал:

— Смотри-ка… С кем это, Генка, мы встретились! Ну прямо как в кино…

А средний, Генка, выпрямился и поднес руку к шляпе:

— Рады приветствовать вас, товарищ генерал, в нашей «Стране тысячи лесных тайн и сокровищ»!

— Вот это да!.. — усмехнулся Анатолий. — Тысячи тайн?..

Я поблагодарил ребят и пожелал им спокойного сна. Однако уходить от нас они не собирались. Рассудительный Генка сказал:

— И до чего же верно в пословице подмечено, что не было бы счастья, так несчастье помогло. Умница ваша машина, и вы ее не ругайте. Сегодня у нас в лагере большой костер. Айда к нам в лагерь!

— Признаться, ребята, в наш распорядок это не входило.

— Так и в наш не входило! — закричали они

наперебой. — А теперь вошло! Мы очень вас просим… очень!

— А что касается машины, — заключил Генка, — мы оставим при ней охрану. Если хотите, механика позовем. У нас дядя Фёдор — профессор по моторам. Он даже в гонках участвовал на приз «Пищевика»… Но, правда, проиграл.

Тут в разговор вступил Анатолий. С машиной произошла какая-то серьезная авария. Он еще не понял, в чем дело. Ребята сообщили, что в лагере есть две грузовые машины и временный гараж, а в гараже у дяди Фёдора полный набор инструментов, яма и тиски.

Надеясь на помощь «профессора» дяди Фёдора, мы двинулись в глубь «Страны тысячи лесных тайн и сокровищ», и световые пятна фонариков заплясали у наших ног.

Так нежданно и негаданно Анатолий и я оказались в гостях у пионеров на широкой лесной поляне, где, мне помнилось, воины нашего соединения отбили четыре яростные атаки врага, где двадцать пять лет назад вся земля была перепахана снарядами и выжжена огнем, а теперь в палаточном городке бурлила сама юность, сама раздольная, неукротимая жизнь.

Все население парусинового города, от самой

малой пионерочки до седеющего педагога, встретило нас с шумным радушием, и одним из первых сокровищ в этой стране чудес была душистая, горячая картошка, испеченная в костре и поданная нам к ужину.

А потом мы сидели с ребятами у костра, и пламя то вьюжилось по сухим ветвям, то замирало, и легкие искры кружились над нами. Ребята подхватили песню, и, повторенная лесом, она понеслась далеко над притихшими купами деревьев, над высокими травами полян — до дальней дороги, на которой мы совсем недавно встретили наших молодых друзей.

Как-то легко и просто, совсем без усилия завязалась наша беседа.

В разговоре я случайно назвал два озера, что были неподалеку от нас. Это очень удивило ребят, и они стали многозначительно переглядываться. Шустрый Генка, не выдержав, спросил:

— Как же так… Значит, вы там бывали?

И другие ребята засыпали меня десятками вопросов: когда я здесь бывал, почему, и зачем, и откуда я знаю названия озер?

Пришлось рассказать ребятам о битве, которая гремела здесь два с лишним десятилетия назад и оставила на деревьях, на земле до сих пор не

сглаженные временем шрамы.

Пожалуй, редко доводилось мне встречать слушателей более внимательных и чутких. Затаив дыхание, они жадно ловили каждое слово. Двести мальчиков и девочек замерли вокруг костра. Я всматриваюсь в их лица, ясные и открытые, полные сосредоточенного внимания и интереса, и мой взгляд невольно останавливается на одном удивительно знакомом лице.

Где же я видел эту смуглую девочку с отброшенной за плечи косой, с большими черными глазами?..

Память тотчас же подсказала.

Машенька… Отважная разведчица и санитарка… Машенька из Мышеловки! Нет, я не мог этому поверить. Я знал, что никогда больше не встречу Машеньку, тихую, задумчивую девочку, скромную, трогательно ласковую с нашими ранеными бойцами, непоколебимо отважную на передовой. Да и нашей Машеньке было бы сейчас больше сорока лет… Я это отлично знал, но все же не смог сдержаться и спросил:

— Послушай, девочка… Как тебя зовут?

Все обернулись к ней, и она, смущенная, улыбаясь, ответила:

— Маша…

Я невольно привстал с травы:

— Неужели?! А фамилия?

— Воронок…

— Не удивляйся, Машенька, моим вопросам, — сказал я. — Ты очень похожа на славную нашу фронтовую подругу, которую солдаты и офицеры звали Машенькой из Мышеловки.

Ребята закричали:

— Расскажите о ней! Обязательно расскажите…

Им нельзя было не уступить.

Так родилась эта повесть. Ее подсказали мне жители парусинового городка, что раскинулся в чудесной заднепровской «Стране тысячи лесных тайн и сокровищ»…

В самом деле, почему бы не рассказать о Машеньке? Ведь ее жизнь и боевые дела — образец скромности и высокой отваги нашего молодого поколения, которое в годы великих испытаний стояло за Родину насмерть!

Подвиги Александра Матросова, Зои Космодемьянской, Олега Кошевого и его друзей, бесстрашных ребят из «Партизанской искры», пионеров-разведчиков, подпольщиков, связных — только частица великого подвига народа.

Многие, очень многие из отважных еще не

названы. И не потому, что мы забыли о них. Спросите у любого воина, и он перечислит вам десятки дорогих имен. В памяти народа герои никогда не умирают: каждого из них помнят и чтят боевые товарищи. И даже те, что пали смертью храбрых, словно бы живут среди нас.

Бойцы, воевавшие в 13-й гвардейской дивизии, помнят отважную девушку — Машеньку из Мышеловки. Я думаю, что она по праву может занять свое место в бессмертном строю молодых героев.

Машенька и ее дядя

Утром 10 августа 1941 года мне доложили, что со стороны противника в расположение наших войск через линию фронта перешли двое — мужчина и девочка.

Это донесение показалось мне удивительным: здесь, на подступах к окраинам Киева, немецкие фашисты сосредоточили так много войск, что даже мышь, пожалуй, не проскользнула бы незамеченной.

Как же смогли перейти через фронт эти двое? Кто они?

Я приказал привести их на командный пункт. Минут через десять начальник нашей разведки капитан Алексей Питерских остановился на пороге блиндажа:

— Задержанные доставлены... Разрешите?

— Сначала войдите вы, капитан, — сказал я. — Что сообщили вам задержанные?

Питерских оглянулся, плотно прикрыл за собой дверь, заговорил негромко:

— Документы я проверил: судя по документам, это родственники. Впрочем, и внешностью они

очень схожи. Говорят, что проживали в населенном пункте Мышеловка. Он железнодорожник, девочка — ученица десятилетки. Фамилия — Боровиченко… Что особенно интересно, эти штатские люди отлично знают, где расположены орудийные батареи противника, танки, автомашины… Я не успел закончить допроса, как вы позвонили. И я поспешил сюда.

— Хорошо, капитан. Пусть они войдут.

Первой в блиндаж вошла девочка, смуглолицая и черноглазая, в коротеньком ситцевом платьице, босая. За нею коренастый, небритый мужчина лет сорока пяти, с густой сединой на висках, в синей косоворотке и тоже босой. Косоворотка его была изорвана в клочья, с груди и рукавов свисали лохмотья. Вид у этого человека был такой, словно он только что выбрался из горящего дома: лицо закопченное, грязное, в свежих царапинах, из которых сочилась кровь, руки покрыты ссадинами, волосы всклокочены. Что остановило мое внимание — ясный и радостный взгляд его темных глаз; этим глазам нельзя было не верить.

Девочка старалась держаться поближе к мужчине и с доверчивостью ребенка смотрела то на меня, то на капитана. Она и была почти ребенком: маленькая, смуглая, с какой-то обидой,

затаившейся в припухлых губах.

— Когда и где перешли вы через линию фронта? — спросил я, взглянув на карту, чтобы сверить точность их показаний. Почему-то мне сразу поверилось, что эти люди наши, однако нельзя было забывать, что здесь проходит фронт и что противник уже не раз пытался засылать к нам своих лазутчиков.

— Мы перешли через фронт возле трех тополей и колодца, — негромко, спокойно сказал беженец. — Там еще есть небольшая сторожка лесничего. Мимо сторожки проходит канава, вот по этой канаве мы и проползли… Правда, чуть было не оказались в немецкой траншее…

— Подождите, — прервал я его, — немцы на этом участке фронта еще не рыли траншей.

Они переглянулись, и девочка сказала твердо:

— Вы ошибаетесь… В прошлую ночь, когда вы им задали трепку, они стали рыть траншеи. Мы сами не знали об этом и чуть было не налетели на фрицев.

Дядя осторожно поправил ее растрепанную косу, осмотрел на своей руке кровоподтек:

— И все-таки налетели… Пришлось впоперечную с немцем схватиться… Сильным оказался и увертливым, весь терновый куст изломал.

Мужчина сунул в карман руку, вытащил и положил на стол два смятых немецких погона:

— Это и весь трофей. Немецкий автомат мы не взяли: правду сказать, побоялись своих. Дело, сами знаете, не шуточное — с немецким автоматом через фронт идти.

— Значит, это в терновнике вы так исцарапались?

Он вытащил из брюк рубаху, приподнял ее до груди, и я увидел длинную рваную рану на его теле.

— Запомнятся мне, товарищ полковник, эти кусты. Я до сих пор понять не могу: как же другие фрицы нас не заметили? Такая потасовка в кустарнике произошла, но никто из фашистов не кинулся своему дружку на помощь. Может, сам я и не совладал бы с этим басурманом, да Машенька помогла, в ноги ему бросилась, будто связала.

Я еще раз взглянул на Машеньку, и она смущенно опустила голову:

— А потом мы бежали… Ух, как бежали! А пули по деревьям только чик-чик… Вот посмотрите мою косынку: пуля пробила!

Девушка достала из-за пазухи серенькую косынку, развернула и подала мне. Тонкая батистовая ткань была прорвана в двух местах.

— Хорошо, Машенька, я верю всему, что вы рассказываете. Но скажи мне по правде, ты знала, какой это риск? Фашистов здесь очень много, на их переднем крае и шагу негде ступить.

Машенька вскинула голову, спокойно и прямо посмотрела мне в глаза:

— И все-таки мы решили прорваться к своим.

— Ты не ответила, Машенька, на мой вопрос. Ты знала, как это опасно?

На смуглом лице ее и в черных больших глазах промелькнуло удивление.

— Конечно, знала. Но как это объяснить вам? Мы не могли там оставаться. Мы все равно должны были прийти.

Машин дядя рассказал, что жили они в поселке Мышеловка и что долгое время он работал в пригородном колхозе, а два последних года — на железной дороге. В день, когда началась война, он в числе сотен добровольцев пришел в военкомат. Но его забраковала врачебная комиссия. Он тут же предъявил мне свой военный билет и заключение врачебной комиссии. Оно было коротко и строго: «Порок сердца. Не годен». Почти все товарищи Боровиченко ушли на фронт, а он остался. Его немножко утешала мысль, что железнодорожники — первые помощники фрон-

товиков, что через его руки пойдут на фронт боеприпасы, как вдруг случилось неожиданное… Ранним утром, собравшись на работу, он увидел на улице поселка зеленые фашистские мундиры.

Тогда он твердо решил перейти линию фронта, к своим, и сказал об этом Машеньке. Он без колебания доверил ей этот секрет, зная, что она согласится. Машенька росла без матери и всецело доверяла дяде.

Бежать из Мышеловки они собирались в следующую ночь. Фашисты уже шарили по хатам, уводили арестованных, развешивали грозные приказы. Трижды в течение дня врывались они и в дом Боровиченко, однако хозяев не застава-ли: Машенька и ее дядя прятались в голубятне, у них была краюха хлеба и кувшин воды. Голубятня оказалась хорошим наблюдательным пунктом. Прильнув к щели, Машенька видела, куда направляются танки и орудия врага, где выгружаются боеприпасы, где немцы роют окопы и ставят проволочные заграждения.

Сначала она следила за этой поспешной деятельностью вражеских солдат лишь из любопытства. Было так странно видеть незваных, чужих людей, суетившихся в их поселке. А потом она подумала, что если бы наши артиллеристы зна-

ли, где установлены орудия врага, пожалуй, они сумели бы накрыть фашистов в два счета.

Если бы наши знали… Но для того чтобы наши артиллеристы знали расположение войск противника, нужны донесения разведчиков и наблюдателей. Чем же она, Машенька, не разведчица, если уж довелось ей остаться за линией фронта? Просто пробраться к своим, спасаясь от фашистов, теперь ей казалось малой задачей. Нужно было раздобыть сведения о враге…

Дядя заметил, что Машенька стала задумчивой и молчаливой…

— Ты… боишься? — спросил он.

— Я думаю не о себе, — сказала Машенька.

Он улыбнулся:

— Я понимаю, ты думаешь обо мне. Что ж, это верно, врачи сказали — сердечник… Только мало ли что скажут врачи! Главное для нас — выбрать надежную дорогу, такую, чтобы под самым носом фашиста проползти. Мы знаем тут, Машенька, любую кочку, и нам ли верную тропинку не найти?

— Но с чем мы придем к нашим? С голыми руками? Ты понимаешь, как это важно — узнать, где и какие фашистские войска остановились, сколько у них пушек, танков, пулеметов…

Он задумался.

— Верно. Но для этого нужно время.

Машенька сказала решительно:

— Значит, в эту ночь мы не можем уйти.

Они остались в Мышеловке еще на двое суток. За это время гитлеровцы угнали все население поселка. Машенька видела, как мимо их двора, окруженные крикливым конвоем, шли женщины, неся на руках детей, тащили тележки, груженные всяческим скарбом. В поселке то и дело трещали автоматы, и улицей стлался густой и едкий дым. Это горела Машина школа. Неведомо почему она помешала злобному воинству, украшенному черными пауками.

Ранним утром к голубятне подошли трое фашистских солдат. Дядя еще спал… Машенька услышала голоса и, стараясь двигаться бесшумно, прильнула к щели в дверцах. Солдаты негромко о чем-то разговаривали, поглядывая на голубятню.

Почему они заинтересовались голубятней? Наверное, уже успели переловить в поселке всех кур и гусей… Приставная лесенка лежала у опорного столба в траве, один из фашистов сначала недоверчиво ощупал перекладины ногой, потом поднял лесенку и приставил к голубятне.

Машенька встряхнула за плечо дядю и, прило-

жив палец к губам, указала глазами на дверцу. Дядя не двинулся с места; широко открыв глаза, он прислушивался к голосам. Пожалуй, впервые в жизни она видела таким суровым, словно окаменевшим, его лицо, такими холодными — глаза. Движением бесшумным и мягким он вытащил из-за голенища нож.

Солдат стал подниматься по лесенке, ступил на первую перекладину, на вторую, на третью и уже протянул было руки, чтобы взяться за край дощатого помоста под будкой, но перекладина хрустнула и обломилась, и немец неловко спрыгнул на землю. Два других громко засмеялись, и все они направились к сараю.

— Кажется, пронесло, — сказала Машенька, оборачиваясь. — Хорошо, дядя, что ты подарил соседям голубей. Окажись на будке голуби, эти гости обязательно сюда взобрались бы.

Глаза дяди были по-прежнему холодны и пусты; порывисто переводя дыхание, он осторожно спрятал за голенище нож.

Они не выходили из голубятни еще долгие сутки. В поселок все прибывали вражеские войска. Громыхали танки, надрывно ревели тягачи, волоча пушки и прицепы с боеприпасами, иногда мелькали запыленные легковые машины.

Домик Боровиченко вскоре был набит фашистами до отказа. Те, что не поместились в домике, заняли сарай, а другие поставили во дворе палатку. Здесь же остановилась и солдатская кухня, и три повара сразу принялись за стряпню.

Шум и крики у котла не затихали ни на минуту: солдаты тащили к своей кухне свиную тушу, живую птицу, какие-то мешки.

Машенька с удивлением наблюдала за беспокойной, горластой оравой. Было похоже, что эти люди никогда не ели досыта; они хватали огромные дымящиеся куски свинины и, сидя на земле, жадно пожирали ее.

Было противно смотреть на этих жующих людей, ссорящихся, обозленных; в них как будто исчезли человеческие черты и осталась только свирепая жадность к пище.

Утром следующего дня Маша заметила во дворе двух пожилых женщин. Одну из них она узнала — это была тетя Марфа, уборщица школы. Значит, кое-кто остался, угнали не всех. Да это и понятно: ведь фашистам нужны рабочие руки. Женщины носили от колодца на кухню воду и на свободном местечке возле сарая кололи дрова. Солдаты покрикивали на них и смеялись, и, когда женщины носили тяжелые колоды, никто им не помогал.

Теперь Машенька знала, что́ нужно делать. Из голубятни многое видно, однако далеко не все. Ей нужно было обойти поселок, заметить, где расположены батареи фашистов, где находится их штаб, склады, автомашины, где они роют окопы и строят блиндажи.

Дядя не отговаривал Машеньку: он понимал, что в разведке без риска не обойтись. Он молча прислонил ее голову к груди, и, когда поцеловал в лоб, она ощутила, как дрогнули его губы.

Улучив минуту, когда на дворе не было солдатни, Машенька спрыгнула с голубятни и подошла к тете Марфе. Женщина испуганно всплеснула руками и быстро оглянулась по сторонам.

— Ты не ушла с нашими?.. Бедная девочка, куда же спрятать тебя?

— А прятать и не нужно, — спокойно сказала Машенька. — Вы скажете им, что я ваша дочка и пришла помогать.

Женщина внимательно заглянула ей в глаза:

— Понимаю, девочка, без расспросов. Ржа железо ест, а печаль сердце. Только что же нам руки опускать? Старые, умные люди говорят: прилетел гусь на Русь — погостит да улетит. Ладно, будешь моей дочкой.

Она достала из кармана фартука пирожок, по-

дала Машеньке.

— Ешь, да чтоб эти дьяволы не заметили.

…Никто из немцев не обратил на Машеньку внимания: ей невольно думалось, что они уж очень заняты то обедом, то ужином, то завтраком. Машенька почистила картошку, принесла из колодца воды, а потом взяла корзинку и пошла на огороды собирать укроп…

Это поручение повара было очень кстати. Она хорошо заметила артиллерийские позиции врага, свежевырытые ходы сообщения за поселком, огромные скопища машин в отлогом овраге, где солдаты выгружали какие-то ящики.

В доме, где помещался поселковый совет, гитлеровцы открыли госпиталь: через распахнутые окна в переулок доносились стоны раненых. По-видимому, раненых было много, так как и во дворе и в садике при совете белели палатки и суетились люди в больничных халатах, наверное санитары. Если не считать сгоревшей школы, поселок почти не изменился; был он только необычно загрязнен, забросан рваной бумагой и какими-то лохмотьями, да за окраиной, на косогоре, выстроились рядами свежие кресты с касками на верхушках.

Машенька насчитала пятьдесят крестов, но

сбилась со счета — сколько зарыто здесь фашистов, она не могла определить.

Ее внимание привлекли знаки на машинах, на пушках, на погонах солдат и офицеров. Быть может, она слишком внимательно разглядывала эти знаки — четыре раза в течение дня ее останавливали на огородах, строго допрашивая, кто она и почему здесь находится.

Она показывала ведро, полное укропа, и, вспомнив немецкие слова, говорила, стараясь казаться спокойной:

— Дейтч зольдатен… кюхе!..

Вражеский патруль был недоверчив и сопровождал ее до самой кухни, а здесь выручала тетя Марфа — она уже осмелела и даже покрикивала на солдат:

— Это же прямо наказание: сами послали девочку за укропом, а шагу ступить не дают!..

Ни на минуту Машенька не забывала о дяде: что переживал он там, в своем неожиданном заключении, как волновался за нее! Она уже хорошо запомнила, где немцы рыли окопы, где устанавливали орудия, где возводили укрепления. Прислушиваясь к болтовне солдат, узнала, что все они принадлежат 29-му армейскому корпусу, который готовился к броску на Киев…

Какого именно числа гитлеровцы решили штурмовать город, узнать ей не удалось, однако по всем признакам операция намечалась на ближайшее время.

В ночь с 9 на 10 августа Машенька выскользнула из шалаша, в котором ночевала вместе с тетей Марфой, и осторожно прокралась по саду к голубятне. Она постучала щепкой по столбу и, заметив, как дрогнула дверца, подставила лесенку. Дверца распахнулась, и дядя неслышно, словно совсем невесомый, спустился на землю.

Где-то близко, за домом, разговаривали патрульные солдаты. Они дежурили чуть ли не у каждых ворот.

Машенька и дядя юркнули в кусты смородины, присели, прислушались, осмотрелись. Из сада доносился звучный храп — это под яблоней на раскладушке спал здоровяк повар. Машенька знала, где он спит, и повела дядю в обход яблони. Они миновали сад и вышли за поселок. Отсюда начинался неглубокий овражек, а впереди, за дорогой, темнел густой лес… Самым трудным было пересечь дорогу: она проходила по открытому месту, а через овражек был перекинут бревенчатый мостик. Дядя еще издали заметил на мосту двух охранников. Проползти незамеченными в трех

шагах от них было невозможно, и единственное, что оставалось, — ждать. Они сами не знали, чего ждут: эти двое солдат уселись на мостике будто навечно. Впервые в те минуты Машенька подумала, что терпение так же важно на войне, как и смелость. Торопливо рассказывая мне теперь о пережитом, черноглазая Машенька повторяла убежденно:

— Нет, вы не представляете, товарищ полковник, что это за пытка — ждать своей судьбы в трех шагах от врага... Нет, вы не представляете! Сидят и сидят, будто гвоздями прибитые, а нас невыносимо жалят и жалят комары! И нельзя пошевелиться, руку нельзя поднять: ведь самая малая неосторожность — и заметят. Ну хорошо, что появились машины. Целая колонна автомашин. Солдаты сошли с мостика, и мы пробрались под него. Дальше было легче: начался кустарник, а те минуты, когда мы лежали перед мостом... нет, вы не представляете, что это за минуты!

Сведения, которые доставили Машенька и ее дядя, для нас были очень ценны, и я сейчас же передал их по телефону начальнику штаба. Он отметил на карте расположение вражеской артиллерии, складов, пулеметных гнезд и голосом, сразу повеселевшим, заключил:

— Сейчас мы их накроем, голубчиков!..

В блиндаж снова вошел капитан Питерских, и я поручил ему проводить дядю с племянницей в хозяйственную часть, чтобы их накормили, приодели и отправили в наш глубокий тыл. Я был уверен, что они обрадуются этому решению, но — странное дело! — они опечалились. Машенька опустила голову, а ее дядя растерянно смотрел на меня.

— Вы поступили отважно, как и подобает патриотам, — сказал я. — Можете считать, друзья, что вы исполнили свой долг, а в тылу для вас, конечно, найдется работа.

— Значит, мы должны уехать? — словно не понимая меня, глухо переспросил Боровиченко.

Машенька вскинула голову, ясные черные глаза ее смотрели испуганно.

— А как мы добирались к вам, но теперь… За что же это так, товарищ полковник?!

Я их не понимал: на фронте, на переднем крае, у нас было достаточно своих забот и дел, и они не могли не знать этого. Быть может, они считали, что я должен был лично заняться и их отъездом?

— У меня больше нет ни минуты времени, — сказал я и тут же пожалел об этих словах.

Уже не скрывая огорчения и гнева, эта девочка,

почти ребенок, вскрикнула и ударила кулаком по столу:

— В тыл?.. Почему в тыл? Мы прошли через фронт, чтобы сражаться, а вы… Нет, вы неправы, товарищ полковник… Дайте нам оружие и пошлите в часть. Тут, за опушкой леса, наш дом… Там наши люди в беде, а вы говорите: в тыл!..

Я был уверен, что они хотели бы поскорее уехать от фронта куда-нибудь на Урал, в Сибирь… Однако оба они сочли такое предложение оскорбительным. Хмурый коренастый мужчина и его юная племянница прошли через линию огня и не раз рисковали жизнью, чтобы получить оружие и сражаться за родной Киев.

В дни обороны Киева к нам в подразделение бригады уже не в первый раз приходили добровольцы. Это были люди разных возрастов и профессий: рабочие «Ленкузни» и «Арсенала», депо и речного порта, служащие, студенты, даже школьники, пенсионеры и домохозяйки, — они просили и требовали принять их в ряды бойцов.

Мы отсылали их в штаб отрядов народного ополчения, где нужно было пройти боевую подготовку, и они обычно уходили очень огорченные. Впрочем, уже вскоре, в дни битвы за Киев, многие из них проявили высокое мужество и отвагу. Эти

люди учились военному делу в боях.

Боровиченко и его племянницу Машеньку нельзя было назвать необстрелянными бойцами. Как опытные разведчики, они принесли нам очень важные сведения о враге. Теперь мы точно знали, что против нас сражался 29-й армейский корпус гитлеровцев, отборные фашистские вояки, побывавшие уже не в одной стране. Знали мы и расположение войск врага на этом участке фронта.

О том, что Машенька и ее дядя — люди не робкого десятка, свидетельствовали погоны фашиста, лежавшие теперь на моем столе.

— Что ж, друзья-разведчики, — сказал я. — Для вас, как видно, придется сделать исключение. Отправляйтесь, поешьте, приведите себя в порядок и побывайте у врача. Людям решительным и смелым у нас найдется место.

Как они обрадовались, как засияли глаза Машеньки! Даже внешне они сразу неуловимо изменились. Нет, не двое оборванцев стояли передо мной — два воина, готовых к любому заданию.

Первые боевые дела

Нас называли воздушными десантниками. Это особый род войск. В условиях войны наши бойцы и офицеры, выполняя задания командования, должны были перелетать через линию фронта и выбрасываться на парашютах в намеченных местах. Отлично вооруженные и обученные, воздушные десантники перерезáли дороги противника, громили его штабы, наносили удары по врагу с тыла, где он меньше всего ожидал нападения.

Задачи воздушно-десантных войск ответственны и разнообразны, и нет надобности все их перечислять. Главное — им приходится сражаться на территориях, занятых врагом. Значит, нужно уметь быстро приземляться, собираться в назначенном месте, занимать выгодные позиции, окапываться, совершать стремительные броски и еще многое другое. Десантник должен отлично владеть и огнестрельным, и холодным оружием: нож в его руке иногда опаснее пистолета.

Незадолго перед началом Великой Отечественной войны я был назначен командиром

воздушно-десантной бригады, которая размещалась в маленьком украинском городке на берегу Южного Буга.

Я остался доволен личным составом бригады. Они с интересом изучали военное дело. Каждый боец имел на счету по десять и двадцать прыжков с парашютом, а офицеры — по сто, по двести, даже по триста прыжков.

Однако нам, десантникам, пришлось вступить в войну не с воздуха и не на территории, занятой врагом. Нам пришлось сражаться плечом к плечу с доблестной нашей пехотой. И первое боевое крещение мы получили под Киевом.

Когда 22 июня 1941 года немецко-фашистские полчища, не объявляя войны, ринулись через наши границы и радио донесло до нас эту весть, все воины нашей бригады, и я в их числе, были уверены, что нам предстоит немедленно выступить на фронт.

Все мы, исполненные гнева, готовы были драться с врагом насмерть за каждый наш город, завод, колхоз, за каждую пядь родной земли.

Однако проходили дни, а мы не получали боевого приказа. Мы ждали, считая час за часом, и с замиранием сердца слушали сводки военных действий. Как трудно и тягостно было нашим

воинам вести мирную жизнь в тихом степном городке и помнить, каждую минуту помнить, что близко отсюда, на западе, в просторах родной Украины бесчинствуют лютые фашистские банды!

Только вечером 9 июля мы получили приказ о переброске нашей бригады под Киев, в район Борисполя — Бровары. А теперь, после долгой, хотя и не такой уж дальней дороги, после двух десятков яростных бомбежек на станциях, на разъездах и в пути, мы наконец-то выступили на передовую и заняли оборону под Киевом, в Голосеевском лесу.

Когда фашистские вояки, привыкшие к победным маршам, грохнулись с разгона лбами о нашу стойкую оборону у Киева, их генералы растерялись — откуда у русских такая сила?

От пленных фашистов мы знали о приказе Гитлера: он заявил, что 1 августа будет в Киеве. Он даже рассчитывал устроить на Крещатике в этот день смотр своим войскам.

Но уже миновало 10 августа, а многотысячная фашистская орава с мощной авиацией, сотнями танков, пушек, пулеметов и минометов не продвинулась у Киева ни на шаг. Больше того, на нашем участке фронта противник был отброшен на пять километров.

Обозленный неудачами, враг все время подбрасывал подкрепления и переходил в контратаки. Битва в Голосеевском лесу, у стен сельхозинститута, вблизи поселка Мышеловка, с каждым часом становилась все яростней. Она не затихала и ночью, хотя фашисты старались избегать ночных военных действий, да еще в незнакомом лесу. Наши воины непрерывно навязывали им бой, штыками выковыривали из траншей, из окопов.

Вечером 12 августа разведка установила, что на этот участок фронта противник перебросил два полка пехоты, которые, по-видимому, утром собирались нас атаковать.

Вскоре у сельхозинститута наши бойцы взяли в плен десять фашистов. Пленные подтвердили, что утром должна начаться решительная атака. По всем данным, нашей бригаде предстояло принять на себя главный удар.

В бесчисленных делах, когда идет бой на переднем крае и командиру нужно каждую минуту знать, что происходит в любом его батальоне, роте, взводе, я позабыл о Машеньке из Мышеловки и ее дяде. Правда, о них пришлось вспомнить в тот же день, когда я допрашивал пленного фашистского офицера. Коротко остриженный курносый эсэсовец испуганно выкатывал глаза и

растерянно повторял переводчику:

— Ваши пушки умеют видеть! Они с первого залпа накрыли наши артиллерийские и минометные батареи… Это была полная неожиданность: мы сразу лишились половины своих орудий!..

— Спасибо двум товарищам из Мышеловки, — заметил начальник штаба Борисов.

А я вспомнил черноглазую девочку и ее немногословного дядю. Они промелькнули и затерялись в потоке событий; на фронте это нередко случается: встретишь человека, запомнишь и… больше не увидишь никогда.

Но Машеньку мне довелось встретить в самый разгар боя, на передовой, когда фашисты ринулись в решающее наступление.

Наша разведка не ошиблась, и показания пленных были правильны: на рассвете фашистская авиация группами по десять — двенадцать самолетов начала бомбить Киев. Теперь нам следовало ожидать артиллерийской подготовки, которой гитлеровцы, как правило, начинали атаки.

Я успел предупредить об этом воинов бригады и сообщил обстановку своему командиру дивизии. Действительно, минут через десять, после того как над Киевом появилась вражеская авиация,

загрохотали десятки фашистских пушек и гаубиц, захлопали минометы, и треск пулеметов слился в непрерывный гром.

После этого оглушительного огневого налета из молодого соснового подлеска против наших позиций выкатились фашистские танки. Их было много; я успел насчитать два десятка, но сбился со счета: машины шли на большой скорости, обгоняя одна другую…

Почти одновременно с танками из подлеска появились и бронетранспортеры с десантами автоматчиков, даже с фашистским флагом. Как видно, перед атакой это буйное воинство получило по доброй дозе шнапса и теперь орало какие-то песни вперемежку с ругательствами и угрозами.

Танки мчались на больших скоростях, ведя на ходу беспорядочный огонь из пушек и пулеметов. Окутанные вихрями пыли и дыма, огромные машины устремились на открытый, безлесный участок фронта, туда, где недавно окопались наши курсанты. Казалось, нет силы, которая смогла бы остановить эту гремящую лавину огня и стали.

Я почувствовал, как дрогнуло сердце: устоят ли наши бойцы? Все они были люди очень молодые, новички в армии, им еще предстояла большая

учеба, но война не считается ни с чем.

Танки и бронетранспортеры вскоре подошли к нашим позициям совсем близко. Вот уже двести метров отделяли их от наших укреплений… сто метров… пятьдесят… Почему же курсанты не открывали огня?! Еще одна-две минуты, и танки сомнут наши боевые порядки. Я бросился к телефону и вызвал начальника штаба Борисова. Он не успел еще ответить, как от залпа курсантов дрогнула земля. Весь придорожный откос, занятый для обороны нашей школой, покрылся синеватым пороховым дымом. Дружно грянули пулеметы и автоматы, сметая, вышвыривая из машин фашистских солдат.

Почти одновременно с пулеметами ударили и наши противотанковые пушки, и вот уже загорелся передний танк, за ним второй, третий, потом огромный бронетранспортер нырнул в бомбовую воронку и застыл на месте.

Буйная песня фашистской солдатни сразу же смолкла. Теперь с поля боя доносились вопли и стоны. Стараясь как можно скорее спастись, фашисты бросали своих раненых и отползали через поляну в лесок. Я насчитал семь подбитых и подожженных вражеских машин. Те, что уцелели, уже не вели огня: неуклюже разворачиваясь,

пятясь задом, оставшиеся танки противника поспешно возвращались восвояси. Право, странно выглядела вся эта картина: как будто стальные коробки врага только затем и прибыли сюда, чтобы сбросить на поляне под огнем наших курсантов свой живой груз.

События на этом участке фронта складывались не в пользу врага. Сначала фашисты были уверены, что им удастся одним бравым танковым наскоком ворваться в Киев. Но Киев оказался для них слишком крепким орешком. Все население города поднялось на помощь нашим войскам: люди рыли противотанковые рвы, строили укрепления, на заводах ремонтировались наши подбитые танки, отряды народных ополченцев плечом к плечу с воинами сражались на передовой.

К 13 августа наши войска заняли поселок Жуляны, выбили фашистов из сельхозинститута, Красного Трактора, Илюшиных Дворов, Голосеева, Мышеловки…

Теперь-то черноглазая девочка из Мышеловки и ее дядя могли бы вернуться домой. Однако позже я узнал, что они не вернулись.

Когда наш первый батальон, которым командовал капитан Симкин, ворвался в здание

сельхозинститута и здесь завязалась жаркая рукопашная схватка, среди бойцов-десантников оказалась и маленькая смуглая санитарка. Она успела вынести из коридора института трех наших раненых солдат. Удивленный отвагой этой девочки, капитан Симкин приказал ей вернуться в санитарный пункт. Там, в двух сотнях метров от передовой, было не так опасно. Однако через несколько минут капитан снова увидел санитарку во дворе института: она перевязывала руку нашему пулеметчику и над чем-то смеялась. За поясом у нее торчал трофейный немецкий пистолет.

Симкин рассердился:

— Как ты посмела ослушаться приказа? Только и недоставало, чтобы дети здесь под огнем бегали. Сейчас же в санитарный пункт!..

А через полчаса капитан Симкин был тяжело ранен. Теряя сознание, он увидел черноглазую девочку с тяжелой санитарной сумкой через плечо, бегущую к нему сквозь дым и пыль боя.

По-видимому, фашисты решили захватить командира живым. Трое гитлеровцев одновременно бросились к раненому капитану, но Машенька успела раньше. Припав на колено, она выхватила пистолет и уложила двух фаши-

стов с расстояния в пять шагов. Третий немец шарахнулся в сторону и залег за кучей щебня. Он вскинул автомат, прицелился, однако дать очередь не успел: кто-то из бойцов метнул гранату, и она грянула взрывом, далеко разбросав щебень.

После боя, в минуты затишья, когда раненые были отправлены в тыл и прибыло свежее пополнение, солдаты обступили Машеньку, не скрывая удивления и восторга.

— Откуда же ты такая, девочка, тут появилась? Бесстрашная и словно заколдованная от пуль…

— Я из Мышеловки, — сказала она. — Зовут меня Маша, фамилия Боровиченко. Вот ведь как в жизни бывает: мечтала учиться в этом институте, а пришлось за него воевать.

Солдаты ее фамилию не запомнили, а стали просто называть: «Машенька из Мышеловки».

В сражении за сельхозинститут Машенька получила первое боевое крещение. Ее имя было упомянуто в боевом донесении. Тогда я подумал, что девочка так отважна потому, что еще не понимает, какая опасность грозит ей на каждом шагу.

Но я ошибся. В той памятной схватке, когда курсанты отразили танковую атаку врага, Машенька из Мышеловки снова была в бою, и бойцы удивлялись ее мужеству.

На левом фланге обороны группа фашистских автоматчиков все же прорвалась в наш тыл. Увлеченный боем с вражескими танками, командир курсантов был уверен в надежности своего левого фланга. Он знал, что здесь наступали мелкие группы фашистской пехоты. А когда эти мелкие группы соединились, им удалось прорвать оборону.

Впрочем, фашисты ликовали преждевременно. Они не смогли углубиться в нашу оборону даже на километр. Окруженные курсантами, они и сами перешли к обороне, поспешно зарываясь в землю и все время вызывая по радио подкрепление.

Все их призывы были напрасны. Пять легких немецких танков, которые пытались прийти на помощь окруженным, отбросила сосредоточенным огнем наша артиллерия.

Отборные фашистские вояки теперь были вынуждены драться с отчаянием обреченных. Позже взятые в плен солдаты из этой группы говорили, что, если бы им удалось дойти до окраин Киева, все они получили бы по Железному кресту, в случае отступления им грозил расстрел.

За время боя, который шел в перелеске, Машенька успела сделать перевязки шести нашим раненым бойцам. Двух тяжелораненых она выта-

щила за дорогу и передала другим санитарам.

Уже затихала схватка, когда она заметила на поляне двух фашистских солдат, вставших в полный рост и поднявших руки. Эти двое решили сдаться в плен, и навстречу им из сосняка уже выбежали наши бойцы. Они не успели подойти к пленным — где-то близко прогремели два выстрела, и оба немца рухнули в бурьян.

Машенька заметила, что стреляли из-за старого, окруженного кустистой травой высокого пня. Обежав по краю поляны, она подхватила оброненный кем-то автомат и двинулась к притаившемуся немцу. Он был без каски, наверное, потерял ее в суматохе боя.

Возможно, он расслышал осторожные шаги и быстро обернулся, вскинув пистолет. Но выстрелить не успел: Машенька с силой опустила приклад на его руку. Пистолет упал в траву, а немецкий ефрейтор вскочил на ноги. Прямо в грудь ему смотрело дуло автомата.

Кривясь и заикаясь, он прохрипел растерянно:

— Рус… девка?!

После боя, при допросе пленного, командир школы курсантов старший лейтенант Михайлов узнал, что этот ефрейтор, член нацистской партии, сын крупного помещика, был опытным воякой. Он прошагал половину Европы, воевал в Польше, Франции и Норвегии и не раз убивал своих солдат, если они пытались сдаться в плен.

Теперь, сидя в блиндаже Михайлова, этот отъявленный бандит безутешно плакал, трясся и вытирал на грязных щеках слезы.

— Не понимаю. Нет, не могу понять! Девушка с автоматом… Может, мне это почудилось? Ну, скажите правду, неужели меня, Иоахима Занге, простая девчонка взяла в плен?..

Так Машенька из Мышеловки напомнила о себе. Но в тот день я не знал, что еще не раз услышу ее имя.

Битва на Сейме

В этой небольшой повести я рассказываю о самом тяжелом периоде войны на Украине, где мне довелось сражаться, о первых ее месяцах, когда вооруженные до зубов бесчисленные полчища фашистской Германии напали на нашу Родину. Об этом самом тяжелом времени никогда не следует забывать. Немало наших боевых друзей и товарищей полегло в те дни.

В битве за Киев хищный фашистский зверь основательно выщербил свои клыки. А впереди, на востоке, было еще немало рубежей, на которых ему пришлось захлебываться собственной кровью. Одним из таких рубежей стала река Сейм, неподалеку от древнего города Путивля.

В конце августа наш корпус был направлен на отдых в район Конотопа. Свыше двух недель мы непрерывно вели бои, и враг, конечно, запомнил, как сражаются наши воздушные десантники.

В Конотопе мы с комиссаром условились провести смотр бригады. Наши ряды заметно уменьшились в тяжелых боях, и на вооружении появились вместо потерянных — трофейные

пулеметы. Однако нам нужно было точно знать, сколько у нас бойцов и офицеров, каким оружием мы располагаем, сможем ли по первому приказу снова вступить в бой. Признаться, нерадостно выглядел строй нашей бригады, и даже невоенный человек сразу понял бы, что эти бойцы прошли сквозь ливни свинца. Гимнастерки солдат были изорваны осколками и пробиты пулями, фуражки измяты и закопчены, обувь разбитая, рваная, а на многих несуразные трофейные ботинки.

В строю я заметил и легкораненых, с повязками, белевшими из-под фуражек, с руками на перевязи, с забинтованными ногами. Эти славные воины отказались уйти на лечение в тыл, они не выходили из боя, даже будучи раненными.

На самом краю левого фланга, среди военфельдшеров, санитарок и медицинских сестер, я заметил стройную смуглую девочку. Сразу припомнился Киев, Голосеевский лес, блиндаж… Неужели это она, Машенька из Мышеловки?

Я подошел к ней, поздоровался, спросил:

— Машенька?..

Выпрямившись и откинув голову, она отчеканила браво и звонко:

— Так точно, товарищ полковник, санитарка Мария Боровиченко.

— Я слышал о тебе, Машенька. Смело воюешь, молодцом... Где твой дядька?

И снова ответ чеканный, но непонятный:

— Не прошел, товарищ полковник... Брак.

— Куда не прошел и что это за брак?

— Наши врачи его забраковали. Теперь он прислал мне письмо из города Калача.

Я спросил нарочно серьезно:

— Может быть, поедешь к нему?

Машенька вздрогнула, строго нахмурила брови.

— Никак нет, товарищ полковник. Бригада — моя семья. — И голос ее вдруг сорвался. — Вы по-прежнему считаете меня маленькой?

Я пожалел, что задал ей этот обидевший ее вопрос.

— Хорошо, Машенька, — сказал я, — боевые товарищи тобой довольны. Но в будущем береги себя: смелость не должна быть слепой, она должна быть и осмотрительной.

Что порадовало и меня и комиссара при смотре бригады — уверенность и боевой дух наших десантников. Только вчера эти люди смотрели смерти в глаза, дрались один против трех фашистов, подрывали гранатами вражеские танки, ходили в отчаянную разведку, горевали

по товарищам, которых никогда уже не вернуть, а сегодня их лица дышали суровой отвагой и решимостью.

Отдых под Конотопом был очень коротким. Уже на второй день после нашего прибытия сюда в небе загудели вражеские самолеты. Сначала появились их разведчики, а потом десятки бомбардировщиков и штурмовиков. Теперь даже те бомбежки, какие нам довелось пережить по пути в Киев, могли показаться детской забавой. Фашисты как будто собрались испепелить землю и сыпали, сыпали бесчисленные тонны бомб.

А положение на фронте становилось все более сложным. Сильный и хитрый враг прорвал оборону у Киева, перешел через Днепр и двинулся в наши тылы. Над войсками, оборонявшими Киев, нависла очень серьезная опасность. Они могли быть отрезаны и окружены. В этих условиях самым главным было остановить врага.

Я получил приказ — перебросить бригаду на южный берег реки Сейм и занять здесь оборону.

Трудным был наш ночной бросок на Сейм, но в назначенный день, 4 сентября, мы уже рыли на берегу Сейма окопы, устанавливали противотанковые пушки, готовили к бою пулеметы и минометы.

Через четыре дня командиры первого и второго батальонов мне доложили, что на северном берегу Сейма, вблизи деревни Мельня, появилась вражеская пехота и что она готовится к переправе.

Мы тоже не теряли времени даром и были готовы встретить непрошеных гостей. Я решил побывать в батальоне, который занимал оборону у железнодорожного моста через Сейм, и тронулся в путь с двумя автоматчиками.

Едва мы прибыли в батальон и вошли в блиндаж командира, как фашисты открыли по нашим позициям ожесточенный огонь из орудий и минометов. Передовые подразделения немцев начали в это время спускать на воду надувные резиновые лодки. Я сказал телефонисту, чтобы он соединил меня с командиром нашей бригадной артиллерии, и приказал немедленно открыть огонь по переправе противника.

Наши пушки загрохотали в ту же минуту, и почти одновременно с ними с приречных высоток ударили пулеметы.

И куда вдруг девалась вся деловитость фашистских солдат! Лишь минуту назад они спокойно садились в лодки, взмахивали по команде веслами и направлялись к нашему берегу. В их

действиях не было ни спешки, ни суеты, и я подумал, что к таким переправам в чужих краях они, наверное, готовились не один месяц.

Но вот грянули наши пушки, и в передовом отряде противника поднялась невероятная суматоха. Тяжелый снаряд разорвался в гуще пехоты врага, и в небо полетели какие-то обломки и тряпки. Батальон открыл огонь, но речка в этом месте была неширока и несколько лодок успело причалить к нашему берегу.

С обеих сторон теперь началась такая стрельба, какой я не видывал за время войны. Фашисты буквально захлестывали наши окопы свинцовым дождем. Под этой огневой завесой они надеялись пересечь реку. Мы заметили, что на середине ее появилось еще с десяток лодок. Под прикрытием берега, который выступал здесь обрывистым мыском, лодки были недосягаемы для наших пулеметов.

Немцы уже ворвались на железнодорожный мост. Он был немного поврежден, и они сразу же принялись исправлять повреждения. Если бы им удалось быстро отремонтировать мост, фашистское командование немедленно бросило бы против нас танки. Но иногда случается, что исход боя решает один солдат. Если боец грамотен в

военном отношении, умеет оценить обстановку и правильно выбрать позицию, он и один в поле воин!

Мы это поняли в те минуты, когда с правого фланга вдоль русла реки неожиданно заработал наш станковый пулемет. Длинная очередь — и немецкие саперы полетели с моста в воду. Вторая очередь — и переправа противника была парализована. До чего же точно работал наш молодец пулеметчик! Полсотни фашистов уже бултыхались на середине реки. Пробитые пулями, их лодки выпустили воздух и стали похожими на мокрое тряпье, а «максим» все строчил над самой водой, и брызги от пуль вспыхивали на солнце.

Я спросил у командира батальона, кто этот пулеметчик. Он удивленно пожал плечами:

— Право, не могу сказать…

Потом, будто отвечая самому себе, он заметил негромко и удивленно:

— Неужели… она?

— О ком вы говорите, майор?

Командир батальона улыбнулся:

— Конечно, она! Не иначе… Есть у меня в батальоне одна санитарка, товарищ комбриг. Беспокойная и отчаянная девчонка. Два раза прибегала под огнем в блиндаж и говорила, что

пулемет нужно установить за мостом, над обрывом… Сейчас наш пулеметчик именно оттуда ведет огонь. Уверен, это она выбрала позицию.

— После боя пришлите ко мне этого пулеметчика, — сказал я. — А если санитарка ему помогала, пришлите и ее. Я объявлю им благодарность и представлю к наградам. Бригада должна знать своих героев.

Затишье продолжалось лишь несколько минут, а потом над рекой опять загрохотал непрерывный трескучий гром. Фашисты не жалели боеприпасов — за время этого огневого шквала они обрушили на нас многие тонны металла. Но как ни старались они оглушить нас и прижать к земле, пехота их, успевшая переправиться через реку, уже была полностью уничтожена.

Стрельба постепенно затихала, и солдаты устало улыбались друг другу: всем было ясно, что расчет противника с ходу переправиться через Сейм был сорван.

Но ясно было и другое: с подходом главных сил фашисты начнут еще более мощное наступление. Поэтому нам нужно было дорожить каждой минутой затишья — отправить раненых в тыл бригады, доставить боеприпасы, накормить бойцов.

Пробираясь меж окопами, я встретил начальника санитарной службы Ивана Охлобыстина. Мне очень нравился характер этого человека: он никогда не унывал. Даже при яростной бомбежке под Конотопом, когда мы были заживо похоронены под обломками блиндажа, этот человек нашел в себе силы шутить и смеяться. Весел он был и сейчас, хотя шинель на его мощной фигуре

была изорвана осколками, рукав от нее где-то потерялся, а голенище сапога тащилось по земле.

— Ну, жаркий денек! — заговорил он, улыбаясь, показывая, белоснежные зубы. — А каковы наши десантники? Огонь ребята! Однако, товарищ полковник, с некоторыми из них я не могу справиться. Человек, понимаете ли, серьезно ранен, и ему необходимо немедленно следовать в тыл, но он не желает уходить с поля боя. Таких я уже свыше десятка насчитал. Как же быть с ними?

— Оказать медицинскую помощь и оставить в строю. После боя вы сообщите мне их фамилии.

— Все же это непослушание и непокорство.

— Нет, Иван Иванович, это высокий пример!

Неподалеку от нас в балочке остановилась санитарная машина. Рослый санитар легко подхватил раненого и передал в кузов другому. Он захлопнул дверцу, по-видимому собираясь уезжать, но девичий голос задержал его:

— Подождите, еще трое раненых…

Я узнал ее, это была Машенька. Запыленная, в изорванной шинели, она осторожно несла с подругой раненого офицера.

Как-то неуловимо изменилось ее лицо: строгая морщинка пролегла меж бровей, глаза смотрели напряженно и сурово.

Охлобыстин подошел к девушкам, помог им поднести раненого к машине и, прикоснувшись к плечу Машеньки, спросил:

— Сколько сегодня вынесла?

Машенька выпрямилась:

— Десять… Трех от самой реки.

Охлобыстин внимательно осмотрел ее с головы до ног и обернулся ко мне:

— Товарищ комбриг, на минутку… Посмотрите на ее шинель!

Он наклонился, взял изорванную полу шинели, потом легонько повернул сандружинницу вполоборота ко мне.

— Семь пулевых пробоин! Да, Машенька, крепко тебе везет. А все-таки жаль новенькую шинельку, да еще подобранную по фигурке, совсем проклятые фашисты испортили. Придется тебе, Машенька, заказывать новую шинель.

Почему-то девушка очень смутилась: виновато опустив голову и словно извиняясь, она сказала негромко:

— Я это поправлю, товарищ полковник… Только закончится бой, все прорехи заштопаю. Иголка и нитка всегда при мне.

— Пустяки, девочка. Главное, что ты сама цела. А пишет ли дядя?..

Глаза ее радостно засияли.

— Вы помните моего дядю?

— Еще бы не помнить двух добровольцев-разведчиков из Мышеловки! Мы тогда крепко накрыли фашистскую артиллерию, и это благодаря вашим сведениям. А тебе довелось побывать дома после боя?

— Довелось… Только нашей голубятни теперь уже нет.

Она произнесла эти слова так печально и так совсем по-детски, что я невольно подумал: ребенок… И этот ребенок умеет воевать!

Запыхавшись, к нам подбежал командир батальона и спросил:

— Значит, вы сами разыскали ее, товарищ полковник?

— Нет, я никого не искал.

— Но вы спрашивали, кто указал позицию пулеметчику. Это она, Машенька из Мышеловки! Она помогала ему тащить пулемет, и они вместе вели огонь по переправе.

— Фамилия пулеметчика?

— Рядовой Иванов…

— Да, это был Иванов, — сказала Машенька. — Сначала он не соглашался. Говорил, что очень далеко. А потом как жахнули мы по фашистам,

так лодки и закувыркались посреди реки.

Я удивился Машеньке. И было чему удивляться. Она совершила подвиг, маленькая киевлянка, и не ведала об этом.

Наверное, в эту минуту я очень внимательно посмотрел на нее, и она смутилась.

Ее шинель была пробита пулей и на груди, и лишь сейчас она заметила эту восьмую прореху. Поспешно прикрыв ее рукой, она повторила чуть слышно:

— Вот беда… Штопки на целый вечер…

За время войны я видел много трогательных сцен, однако, пожалуй, впервые я был так глубоко тронут всем обликом этой девочки на переднем крае, смущенной и опечаленной тем, что не успела заштопать пробитую фашистскими пулями шинель.

— Спасибо тебе, Машенька из Мышеловки, — сказал я. — Спасибо, родная, что идешь ты с нами трудной этой военной дорогой. Спасибо за наших раненых воинов, которых ты спасла. Родина и твой родной Киев не забудут твоей отваги и твоей сердечной доброты, славная девочка наша, дочь бригады…

В тот же день я подписал реляцию о награждении орденами пулеметчика Иванова и санитарки

Марии Боровиченко.

Ночной рейд

В конце октября после непрерывных боев с пехотой, танками и моторизованными частями противника наша бригада снова заняла оборону на реке Сейм, в районе села Шумаково.

Враг наседал, и мы яростно отбивались в ожидании, пока наши саперы починят подорванный мост.

Я находился среди саперов у моста, когда подкатила грузовая машина и с нее спрыгнул стройный, подтянутый офицер. Было уже темно, однако я сразу узнал начальника оперативного отделения штаба бригады — капитана Зайцева. Этого отважного офицера я хорошо знал: Зайцев не раз ходил в разведку и дважды оставался в наших группах заслона, которые должны были стоять насмерть, удерживая заданный им рубеж.

Я заметил, что Зайцев чем-то взволнован. Мы отошли в сторонку, и я спросил:

— Есть новости?

— Очень интересные новости, — прошептал Зайцев. — Только необходимо ваше разрешение…

Мы присели на откосе берега на бревно, и капитан рассказал, что прибыл от начальника штаба бригады Борисова… Вчера перед вечером к Борисову пришли трое штатских ребят из села Гутрово и предъявили комсомольские билеты. И по документам, и по внешности эти ребята не вызывали подозрений. Они сообщили, что в их селе и в соседнем селе Букреево фашисты останавливаются на ночлег. Сейчас в этих селах скопилось множество машин, груженных продовольствием, обмундированием, боеприпасами и бочками с бензином. Уверенные в полной безопасности, фашисты пьянствуют, объедаются и спят, почти не выставляя охраны.

Я слушал капитана, еще не понимая, к чему он сообщает мне все эти подробности: ведь каждому нашему бойцу было известно, как безобразничают фашисты в занятых ими селах и городах. Но Зайцев продолжал увлеченно:

— Да, понимаете, у них почти никакой охраны; правда, ходят по селу два солдата, посвистывают, иногда постреливают — словом, пугают мирных жителей. Все водители машин ночуют в крестьянских домах, а офицеры заняли здание школы.

Теперь я понял, к чему вел разговор капитан

Зайцев: очевидно, он задумал совершить рейд в тыл противника. До сих пор, ведя оборонительные бои и отходя в глубь страны, мы таких рейдов не предпринимали. Правда, наши смельчаки разведчики не раз проникали через боевые порядки врага, и им приходилось иногда драться с патрулями фашистов, нападать на их обозы, на штабы. Но разведчики имели задания выяснять силы противника, пути их продвижения и замыслы и только в случае крайней необходимости вступать в бой. А Зайцев задумал другое — специальный рейд, чтобы напасть на противника в его тылу.

Я понимал, что в случае успеха такого рейда в тылу противника будет надолго посеяна паника. Это соответствовало нашим расчетам: постоянно тревожить врага, не давать ему покоя, изматывать его нервы и отвлекать силы для охраны тылов. Я спросил:

— Итак, вы беседовали с начальником штаба… Что предлагает Борисов?

— Начальник штаба предлагает организовать отряд из смелых и физически закаленных бойцов. Этот небольшой отряд должен скрытно проникнуть через линию фронта и быстро достичь села Гутрово. Комсомольцы из Гутрова дали согласие быть проводниками. Они хорошо

знают местность и проведут наших бойцов прямо к автоколонне противника. Есть шанс захватить несколько машин с бензином и вернуться на этих машинах через линию фронта.

Предложение капитана выглядело очень заманчиво. В последние дни мы экономили каждый литр бензина, и, если бы нам удалось захватить этот драгоценный груз, положение бригады стало бы намного легче.

Взволнованность капитана незаметно передалась и мне. В самом деле, почему бы не рискнуть? Я знал, что добровольцев для любого смелого дела в бригаде хоть отбавляй. Но какой переполох поднимется в тылу противника! О, это будет фашистам памятный урок.

Мы тут же разработали план ночного рейда. Начальнику штаба Борисову поручалось отобрать группу наиболее отважных воинов в сорок человек, включив в нее восемь шоферов и трех местных ребят. Командиром группы Зайцев предложил старшего лейтенанта Сабодаха, и я согласился. Офицер Сабодах — тихий, улыбчивый парень — был известен в бригаде железной выдержкой и бесстрашием. Ему уже не раз поручали самые рискованные задания, и он выполнял их с поразительной находчивостью и отвагой.

Было решено, что бойцы отряда уйдут в поход налегке, без вещевых мешков, саперных лопат, котелков и другого имущества. Вооружение — автоматы, винтовки и ручные пулеметы. Кроме того, каждый боец должен был получить холодное оружие — нож или клинок, по три ручные гранаты и по две толовые шашки. Эти шашки нужны были на случай, если бы пришлось что-либо подрывать.

Уже через десять минут старший лейтенант Сабодах принялся отбирать бойцов для ночного рейда. Рискованная задача пришлась ему по характеру: он сказал капитану, что давно уже томился по настоящему делу.

Как и следовало ожидать, добровольцев оказалось множество. Но Сабодах отбирал воинов очень строго: только тех, кого лично знал по боям, в ком ни капли не сомневался. Свой отряд он разбил на группы и назначил старших групп. Бывалый разведчик, он предусмотрел даже отделение тыла, в которое вошли четыре бойца и санитарка.

Через час после моей беседы с Зайцевым отряд был построен в неглубоком овражке у реки, и его командир доложил мне об этом. Я подошел к строю и осмотрел воинов. Одетые в легкие

десантные куртки, с ножами и гранатами на поясах, все они выглядели отлично — статные, крепкие парни, как на подбор. Только на левом фланге виднелась маленькая, словно бы случайная фигурка. В сумерках я не рассмотрел лица этого солдата и подошел ближе. Оказывается, это была Машенька из Мышеловки!

— Послушайте, старший лейтенант, — обратился я к Сабодаху, — вы решили взять в рейд и Машеньку? Правда, отбор бойцов для этой операции полностью доверен вам, но девушке будет, пожалуй, не по силам…

Сабодах тряхнул головой и улыбнулся:

— Нет, это не случайно, товарищ полковник! Машеньку из Мышеловки я назвал первой. Она уже два месяца в разведроте, и в ней я уверен, как в себе.

Чуточку взволнованный звонкий голос спросил:

— Разрешите?

Я кивнул Машеньке:

— Слушаю…

— Очень прошу вас, товарищ полковник, оставить меня в отряде. Я знаю, что буду нужна.

— Что ж, Машенька, желаю успеха. Только запомни, это не близкий путь: двадцать километ-

ров до села, двадцать обратно. А главное — бой.

Я сказал бойцам напутственное слово и каждому пожал руку.

В девять часов вечера отряд двинулся в путь. Осторожно и бесшумно ступая по следам командира, они повернули цепочкой за излучину оврага и вскоре исчезли в ночи.

С этой минуты время как будто стало идти медленнее. Ночь была темная и сырая. На переднем крае, как обычно, то возникала перестрелка, то устанавливалась настороженная тишина. Противник запускал осветительные ракеты, и холодный, мертвенный огонь плескался по взгоркам, по оврагам, по зябкой ряби реки.

Я старался заняться очередными делами, но мысленно все время возвращался к отряду Сабодаха: где сейчас сорок наших воинов, как обстоят у них дела? По расчетам, путь в двадцать километров они должны были проделать за три-четыре часа. Но сколько времени займет бой, нападение на школу, в которой разместились фашистские офицеры, и на автоколонну?

Сабодах прикидывал, что эта операция продлится полчаса. Впрочем, возможно, и больше. В таком походе нельзя все предусмотреть, как нельзя забывать о хитрости и коварстве врага.

Если нашим бойцам удастся захватить автомашины, они должны примчаться еще ночью. Если машины не захватят — еще три часа на обратный путь. Значит, отряд нужно ждать не раньше четырех часов утра.

С отрядом Сабодаха ушел и мой водитель Миша Косолапов. Прощаясь, он говорил: «Машину выберу самую большую, семитонную. Есть у них семитонки, итальянской марки СПА. Как-то довелось мне на такой трофейной СПА ездить — огромная, как сарай. Вот этакий „сарайчик“ и мечтается мне „подцепить“, да чтобы обязательно с бензинчиком!»

Где он был теперь, бойкий и веселый Миша Косолапов? Все ли предусмотрел в ночном походе Сабодах? А вдруг три сельских паренька ошиблись и не заметили фашистских патрулей у школы и у автоколонны?

Ночью наши саперы закончили починку моста, и бригада стала переправляться через Сейм на его северный берег. К четырем часам утра отряд Сабодаха не возвратился. Не было слышно о нем ни к шести, ни к семи утра…

Фашисты подтянули свежие силы и бросили их в бой, стремясь овладеть мостом. На южном берегу реки мы оставили группу смельчаков,

которая продолжала держать оборону, пока бригада займет новый рубеж. Связь с этой группой на некоторое время прервалась, так как вражеский снаряд оборвал провод. Поэтому я лишь в девятом часу утра получил из отряда Сабодаха первую весточку. Ее доставил шофер Иван Денисенко.

Он оказался самым удачливым в отряде, рослый, кудрявый, синеглазый донбасовец Денисенко. Он привел в бригаду грузовую трофейную машину с тремя тоннами немецкого бензина.

Как закончился ночной рейд отряда, Денисенко не знал. Он мог рассказать только о первой половине операции.

— Поначалу все шло как по маслу, — рассказывал Денисенко. — И ночка темная, хоть глаз коли, и ветер шуршит — шаги скрадывает. Добрались мы до фашистских окопов неприметно: спят они, клятые, как барсуки. И время раннее, а спят. Видно, перед атакой отсыпаются. «Ну, спите, думаем, харцызяки, чтоб вам не проснуться и через год!» А тут не по плану получилось: кто-то из наших впотьмах на фашиста наступил. Фашист, как видно, подумал, что свои, ругаться начал, с кулаками полез… Пришлось его, конечно, приколоть, чтоб и другие не проснулись и лишнего шума не было. А другие — без внимания, лишь бы на них

не наступили.

Трое ребят из Гутрова каждую кочку в поле знают: прямо к школе нас привели. Смотрим, окна в школе завешены и свет сквозь одеяла пробивается. Значит, не спят… Ближе подползаем, песню стало слышно: орут кто в лес, кто по дрова, да еще губные гармошки, будто колеса немазаные, поскрипывают.

А на улице полно машин, большие и малые, и все брезентом поверху затянуты. Груз, видно, важный, но охрана пустяковая — правду ребята говорили, два часовых на улице топчутся.

Залегли мы на огороде, притихли, ждем, пока эти «рыцари» нагуляются. В двенадцать часов ночи стало вроде бы тише… Тут старший лейтенант приказ по цепочке передал: у каждого окна по два бойца должны стать, а у дверей — пять автоматчиков.

Школа одноэтажная, деревянная, шесть окон и одна дверь.

Условие такое: по свистку командира десантники выбивают окна и швыряют в классы по гранате и по толовой шашке. Автоматчики врываются в здание и открывают огонь.

Но еще первая наша задача нерешенной осталась: надо было точно узнать — двое часовых

у колонны или больше. Тут эта девушка, Машенька, в разведку пошла. Смелая дивчина и легонькая, как тень… Ждем ее пять минут, десять. Двое часовых посреди улицы стояли, а потом ближе к машине отошли.

Я рядом с командиром у забора лежал. Прикоснулся он к моему плечу, шепчет: «Будешь машину гнать — запомни: у въезда в село часовые стоят».

Тут Машенька вернулась: я даже не заметил, как она проскользнула под забором огорода. «Точно, товарищ старший лейтенант, — говорит, — часовых двое, но в машинах, в кабинах и в кузовах, фашисты храпят».

«Придется им побудку устроить», — будто сквозь смех ответил Сабодах и щелкнул три раза пальцами. Это был сигнал: трое десантников, еще в пути им отобранные, двинулись ползком к автоколонне…

Денисенко увлекся рассказом, и я его не прерывал: мне было интересно знать все подробности операции.

— Доложу вам, товарищ полковник, что эти трое бойцов, Сабодахом отобранные, очень ловкие пластуны. Ползут — ни шороха, ни дыхания, ни самого малого звука. А через минуту докладывают: «Порядок… Часовых нет».

Тут Сабодах негромко скомандовал: «Пошли…»

Он первый около дверей очутился. Рядом с ним я и Машенька из Мышеловки. Азартная девчонка, все время впереди… Все у нас шло до сих пор по расписанию: школа окружена, ребята с гранатами у окон. Однако сверх программы какой-то пьяный фашист вдруг из двери вывалился. Как видно, свежим воздухом захотел подышать. Сабодах подхватил его на руки и мертвого к стенке бросил. Машенька по ступенькам метнулась — и в коридор.

Теперь Сабодах скомандовал: «Шоферы — по машинам!»

Кинулся я к первой машине и уже на бегу услышал короткий свист. Грянули гранаты и шашки, затрещали автоматы… Правду сказать, я не оглядывался: мое задание — машина, и каждая минута дорога. Рванул я дверцу трехтонки, и она свободно открылась, но там в кабине фашист развалился и храпит. Ну, дьявол, только с тобой и возиться: схватил я его за шиворот и коленом под ложечку, а сам за руль.

Не видел я и не знаю, а лишнего не скажу, как дальше наши дела повернулись. Мотор мой сразу же завелся, и я давай скорость набирать. Дорогу хорошо помню, мы ведь совсем недавно дрались

за это село, но только на окраине она перекопанной оказалась. Ехал бы я тише — наверняка застрял бы, а тут я с правилами не считался и только позже понял, что канаву перелетел…

— А как же на переднем крае противника, — спросил я Денисенко, — не пытались вас задержать? Не стреляли?..

Он удивленно развел руками:

— Признаться, переднего края немцев я не заметил. Кто-то закричал, кто-то из-под машины шарахнулся. Да все это полбеды — тут в небе загорелась ракета, и я увидел мост. Ну, если мост, — значит, дома. Бензин, доложу вам, первый сорт, да еще бочка тормозной жидкости оказалась. А что касается машины, на счетчике у нее пять тысяч километров… Новенькая, и нам она в самый раз!

— За бензин и машину спасибо, Денисенко, — сказал я. — Но ваши товарищи до сих пор не вернулись.

Красивое лицо солдата побледнело.

— Вот оно что… Я думал, они давно уже отсыпаются. А все-таки они вернутся. Иначе не может быть.

— Почему вы уверены?

— С таким командиром, как Сабодах, не про-

падешь.

Денисенко ушел к своей трофейной машине, а я еще раз позвонил в первый батальон. Мне снова ответили, что отряд Сабодаха из ночного рейда не вернулся.

Нет, уверенности Денисенко я не мог разделить. Я знал, что на этот участок фронта противник подбросил свежие силы. Теперь на каждого нашего бойца приходилось три-четыре фашиста. Пройти через боевые порядки врага среди бела дня было почти невозможно.

И все же надежда на счастливый исход оставалась. Она никогда не покидает на войне. Я видел немые вопросы во взглядах офицеров, когда они обращались ко мне по разным текущим делам. Все они знали о рейде отряда и ждали о нем сведений. Но я ничего не мог им сказать. Единственное, что нам оставалось, — ждать.

Возвращение отряда

Сколько бы ни было у солдата тревог в горячую боевую пору, через какие бы опасности он ни шел, а сон, как верно говорит пословица, — лучшее лекарство от всех бед. Однако сон на передовой особенный, чуткий; бывалые солдаты знают правило: лег — свернулся, встал — встрепенулся и тут же действовать готов.

Бессонная ночь давала себя знать, и я прикорнул в блиндаже.

Как видно, таковы секреты сна, что видится то, о чем думается. Явственно увидел я во сне наш рейдовый отряд, идущий необычной огненной дорогой, раскаленной добела. Черная степь, и только эта дорога пылает, а впереди обрыв, бездонная пропасть, и никто из бойцов не замечает ее.

Одна забота у меня: скорей бы добежать к отряду, крикнуть, предупредить об опасности, но странное дело — голос непослушен мне, и я задыхаюсь, хриплю, но не могу вымолвить слова…

Вот первым уверенно шагает плечистый и статный старший лейтенант Сабодах. Огонь ему

нипочем, пламя покорно ложится под ноги, легкие искры взлетают из-под сапог. Но до обрыва остались считаные метры, а он все еще не видит неминучей беды.

«Стойте… — шепчу я. — Стойте! Сейчас же вернитесь назад…»

И теперь я отчетливо слышу голос Сабодаха.

Открываю глаза. Да, он стоит у входа в блиндаж, стройный, подтянутый, в ладной десантной куртке, и разговаривает с моим адъютантом, чему-то негромко смеясь. Теперь я понимаю: это уже не сон, это правда.

— Значит, вернулись? Здорово! Ну-ка, докладывайте, старший лейтенант.

Сабодах, как всегда, сдержан, спокоен, только карие глаза поблескивают веселыми огоньками. Он коротко, четко докладывает о ходе операции, а потом я приглашаю его присесть к столу, и мы ведем беседу, как старые друзья.

— Во-первых, рассказывайте, как вы прорвались через передний край противника. Фашистов сейчас за Сеймом, я знаю, такое множество, что и плюнуть негде… Как же вам удалось проскользнуть?

Лишь теперь я замечаю, что Сабодах ранен. Из-под рукава его десантной куртки виден свежий

бинт. Сабодах перехватывает мой взгляд, убирает со стола руку, объясняет чуточку смущенно:

— Свежая отметина. Уже в самом конце операции получил, когда фронт переходили. Правда, в бою в коридоре школы тоже был ранен, да Машенька, спасибо ей, тут же повязку наложила. Случилось, что в самую горячку меня какой-то фашистский босяк ножом в спину ткнул. Может, вторым ударом и свалил бы, но Машенька из автомата его срезала… — Сабодах пытается приподнять руку и кривится от боли. — Счастье, что в лопатку попал. Иначе бы, пожалуй, насквозь продырявил. Ну, это пустяки… А прорвались мы через линию фронта с боем. Взвод фашистов полностью уничтожили и четырех пленных привели. Этот удар с тыла был для них настолько неожиданным, что нам почти не оказали сопротивления. За время операции у нас четверо убитых и трое раненых. Себя я к этому числу не отношу — у меня ерунда, царапины. Зато фашисты в одной только школе потеряли полсотни убитыми, да в автоколонне десятка три, да еще при нашем отходе не менее десятка. К этому нужно прибавить взвод, потерянный ими на передовой. Тут арифметика в нашу пользу!

В блиндаж вбежал начальник штаба Борисов;

таким взволнованным и радостным я видел его впервые.

— Где этот славный мóлодец, товарищ Сабодах, которого пуля боится и штык не берет?! — закричал он и крепко обнял старшего лейтенанта за плечи. — Да, товарищ Сабодах, друг мой сердечный, это, скажу вам, была настоящая операция! Только что наши радисты перехватили донесение противника из села Гутрова своему штабу. Они сообщают, что в Гутрове почти полностью уничтожен весь гарнизон. Противник потерял до двухсот человек офицеров и солдат, и только в школе — сорок офицеров, которые направлялись на передовую…

Сабодах улыбнулся:

— Ну, им виднее. Теперь у них есть время подсчеты вести. А мне сгоряча казалось, будто мы уложили их до сотни. Тут я и тех учитывал, что на передовой.

Борисов потирал руки и смеялся:

— А какого офицера вы привели! Штабника… Сейчас он проклинает день, когда родился. Но в кармане у него, между прочим, письмо оказалось. Пишет он какой-то своей Гретхен, что обязательно дойдет до Урала и что пленных не будет брать.

Сабодах стиснул зубы, карие глаза его потемнели:

— Знал бы я, что это такая шкура…

Борисов легонько прикоснулся к его плечу:

— Вот и хорошо, что не знал. Сейчас этот вояка подробные показания дает, всё начистоту выкладывает, и опять-таки «на Урал» просится! Клянется, что будет хорошо работать где-нибудь на нашем заводе, словно затем и притопал сюда, чтобы поскорее попасть к станку.

Я спросил у Сабодаха, кто из бойцов отряда особенно отличился в рейде. Он с минуту напряженно думал, а потом сказал решительно:

— Все…

— Но среди отважных, — заметил Борисов, — есть самые отважные.

— Если кого и следует назвать, — твердо заключил Сабодах, — так первой Машеньку из Мышеловки.

— Вы словно бы сговорились с Денисенко, — усмехнулся Борисов. — Он тоже о Машеньке твердит…

— Денисенко? — удивился Сабодах, и глаза его повеселели. — Значит, он прибыл?.. В таком случае вношу поправку: наши потери не четверо убитых, а трое. Денисенко после похода я еще не

видел. Как он добрался? Не ранен? Очень хорошо! Три тонны бензина доставил? Ну здорово! А если и он о Машеньке говорит, верное слово — прав Денисенко. И что за девушка! Где вы ее, товарищ полковник, разыскали? Ни тени страха… Под градом пуль она вынесла с поля боя раненого сержанта Бугрова. Потом оказала помощь еще двум раненым, а когда к ней кинулся фашист-офицер, уложила его из пистолета… Извините, товарищи комбриг и начальник штаба, сколько живу я на свете, право, не видывал таких отважных девчат! Она все время была в бою и в самом центре схватки. Как она швыряет гранаты! И особенно запомнилась мне минута, когда мы в класс из коридора ворвались. Какой-то верзила выбил у Машеньки из рук автомат. Что же вы думаете: растерялась? Нисколько! Бросилась на пол, немецкий автомат подхватила и давай оставшихся фашистов добивать.

— Я только что беседовал с Машенькой из Мышеловки, — сказал Борисов. — Сейчас она бойцам десантные куртки чинит. Веселая, но о себе ничего не рассказывает. «Я, говорит, сражалась, как и все…»

Сабодах наклонил голову, чуть приметно улыбнулся.

— И не расскажет. Что себя на первый план выставлять? Но я отрядом командовал и все видел. Кроме Машеньки, особенно отличились в бою сержант Фёдор Бугров и рядовой Иван Буланов. Как только мы с фашистами в школе покончили — сразу к автоколонне… Тут уже обстановка сложнее оказалась. Машины стояли вплотную одна к другой, и, когда две первые загорелись, выкатить какую-нибудь машину из колонны стало невозможно. Фашисты, те, что на машинах спали, успели, конечно, проснуться. Начался бой… Где наши, где враг — в суматохе не разберешь. Я подал команду: «Жги машины!..»

Наши ребята и давай по бочкам из автоматов строчить. Бугров к середине колонны прорвался. Тут его группа фашистов окружила. Заметил это Буланов и на выручку сержанту бросился. Всю группу они уничтожили, только Бугров был ранен. Буланов его в сторонку отнес, кликнул Машеньку и тут же в бой вернулся.

Сабодах привстал с табурета, широко развел руки:

— Какая там жарища была! Представляете, сотня машин, и почти все с бензином. Пламя — до самых небес, бочки, как бомбы, рвутся, огненные брызги летят — вся площадь в сплошном огне…

Я отпустил Сабодаха и сказал Борисову:

— Товарищ майор, оформите материал на представление к правительственным наградам солдат и сержантов отряда старшего лейтенанта Сабодаха…

— Есть оформить материал! — с готовностью отозвался Борисов и достал из кармана кителя уже приготовленный список бойцов отряда. — Обратите внимание… Под Киевом санитарка Мария Боровиченко была награждена медалью «За боевые заслуги», затем под Конотопом — медалью «За отвагу»… Совсем недавно ей вручен орден Красной Звезды… Теперь она заслужила орден Боевого Красного Знамени… — взволнованно сказал начальник штаба, человек суровый и требовательный.

В боях за Тим

Есть на востоке от Курска городок Тим. Здесь после бесчисленных боев, преодолев огромный путь, наша бригада заняла оборону.

Как видно, противник был уверен, что взять этот городок ему будет нетрудно. Он знал, что наша бригада двадцать пять суток вела ожесточенные сражения. Ряды бригады за это время снова поредели; немалая часть пушек и танков была подбита. Мы ждали свежих сил и пополнения оружием, но и люди, и новые танки, и пушки находились еще в пути. Значит, остановить противника мы должны были прежними силами.

Фашисты верили в удачу своего наступления на Тим еще и потому, что в эти дни к ним подошли свежие подкрепления: много пехоты и танков.

Едва мы расположились в городе и окрестных селах, как противник бросил против нас группу танков. На окраине Тима завязался жаркий бой, в котором наши артиллеристы сожгли пять вражеских машин. Их уничтожила батарея старшего лейтенанта Комоля. Фашисты остановились.

Наши воины ликовали: ведь эту мощную атаку

отбила одна батарея! Новенькие машины врага, только сегодня доставленные из далекой Германии, уже превратились в груды горелого железа.

При отражении атаки мы захватили в плен двух танкистов. Они рассказали, что их радио уже успело сообщить о взятии Тима и даже о трофеях, которые гитлеровцам будто бы удалось здесь захватить. Впрочем, фашистам везде и всегда чудилась богатая добыча. На окраинах Тима они получили подзатыльник, однако хвастались «трофеями», не стыдясь брехни.

Мы знали, что враг соберет силы и повторит атаки. Ведь сообщение, переданное по радио, обязывало генералов противника во что бы то ни стало взять этот город.

Обозленные потерей танков, они бросили на Тим соединения бомбардировочной авиации. В действие вступила и артиллерия противника. Сотни снарядов и бомб обрушились на маленький деревянный городок. Тим запылал… Еще более мощная группа танков врага ворвалась на его улицы. Теперь бои шли за каждый квартал, площадь, улицу, за каждый дом.

Название безвестного городка в эти дни прогремело на весь мир. Битва на развалинах Тима с каждым часом становилась все ожесточенней.

В самый разгар боев за Тим я решил побывать в батальоне, которым командовал капитан Наумов. Этому героическому батальону в тот день довелось отбить шесть танковых атак врага, но и теперь, имея крупные потери, он сдерживал натиск целого полка фашистов.

Где находился наблюдательный пункт капитана Наумова, я не знал, так как в условиях боя в городе он все время перемещался. На окраине, в переулке, я встретил молодого крепыша сержанта. Легко раненный в руку, сержант побывал у санитаров, сделал перевязку и теперь возвращался в свою роту. Он сказал, что может провести меня к Наумову.

Сержант оказался бывалым воином, он выбирал дорогу расчетливо и умно. Сначала мы пробирались глубокой канавой, потом перешли в лощину, поднялись на гору и молодыми посадками садов вышли к длинному старому сараю.

Где-то совсем близко отсюда строчил пулемет, время от времени рвались гранаты и сыпались автоматные очереди.

Дверь сарая была распахнута, и, когда я шагнул через порог, навстречу мне поспешно поднялся комиссар батальона Крылов. Кроме него, здесь были два телефониста и в уголке на охапке соло-

мы, свернувшись калачиком, дремал солдат.

Я спросил, где командир батальона. Усталый, с черным от копоти и гари лицом комиссар указал на ближайшие дома:

— Капитан Наумов находится в первой роте. Там тяжело ранен командир. Сейчас командует ротой сержант Егоров. Вот уже в течение часа бой идет за эти четыре дома…

Солдат, сладко дремавший на соломе, поспешно поднялся, поправил ушанку, одернул шинель. Был он невысокий, но стройный, черноглазый, с медицинской сумкой через плечо. Я сразу узнал Машеньку из Мышеловки.

— Как же вы здесь очутились, разведчица? Право, вас и не узнать.

Она стояла передо мной по стойке «смирно».

— Да, товарищ полковник, я давно уже работаю в артиллерийском дивизионе товарища Кужеля. Все наши пушки сейчас стоят в двух кварталах отсюда на прямой наводке.

— Вы даже разговариваете как артиллерист…

Машенька смущенно улыбнулась:

— Да ведь я в дивизионе уже не первый день! Еще в боях под Тимом в этом дивизионе вышли из строя несколько медицинских сестер. Товарищ Волков предложил мне работать здесь. Я согласи-

лась и нисколечко не жалею.

— Это хорошо, Машенька, что вам везло, — сказал я. — Но сейчас, в ожесточенном уличном бою, вам не место. Немедленно направляйтесь в медсанбат. Для вас и там найдется немало дела…

Казалось, она не поверила этому распоряжению и смотрела на меня удивленно:

— Вы направляете меня в тыл? Но ведь сейчас идет уличный бой, и раненым нужна помощь.

Крылов наклонился ко мне и сказал негромко:

— Это, знаете, какой-то бесенок. Она все время была с бойцами в передовой цепи. Я чуть ли не силой вытащил ее с поля боя.

Машенька сделала шаг вперед, заговорила взволнованно:

— Я помню, товарищ полковник, в те дни, когда мы сражались у Мышеловки, вы считали меня ребенком. Но ведь я многое пережила и многому научилась за месяцы войны. Главное, я научилась умело оказывать в бою помощь раненым. Сегодня под пулеметным огнем я вынесла пятерых тяжелораненых бойцов. Что, если бы не было меня здесь? Они бы наверняка погибли. Прошу вас, не считайте меня малюткой. Учтите, на моем счету уже есть с десяток фашистов… Нет, я не пойду в тыл. Вот отдохну немножко и опять

на батарею.

Мне было жаль потерять эту отважную девушку, и я спросил Крылова:

— Как вы поступаете, комиссар, если боец не выполняет приказ командира?

Он понял и, сдержав улыбку, ответил строго:

— В крайнем случае мы применяем силу.

— Что же делать? Примените силу и к Машеньке и отправьте ее в медсанбат.

Телефонисты засмеялись, а Машенька вздрогнула и, чувствуя себя виноватой, опустила голову:

— Слушаюсь…

Однако уйти в ту же минуту ей не удалось. На огороде, напротив сарая, поднялась цепочка бойцов и двинулась в обход небольшого домика. Загремели разрывы гранат, резко застучали автоматные очереди.

Я вышел из сарая и привстал на какое-то бревно. Грянула пушка в переулке, взметнулась пыль, и громкий радостный голос прокричал:

— Ай, молодцы! Прямое попадание…

Машенька не ошиблась: снаряд угодил прямо в пулемет противника, разметав его в куски.

— Смотрите, а вот и господа завоеватели! — весело воскликнула Машенька, указывая в сторону

переулка. — Сколько их? Ого, пятнадцать…

Вдоль забора два наших автоматчика гнали группу пленных фашистов. Поминутно «кланяясь» пулям и воровато озираясь по сторонам, гитлеровцы торопливо шли в наш тыл.

— Пожалуй, — сказал я Крылову, — сегодня мы вышибем из города этих громил. Наши дела идут успешно, и потери противника очень велики.

Он не успел ответить, — воздух стал наполняться тяжелым, нарастающим гулом.

Это на город заходили вражеские бомбардировщики. Сколько их появилось над нами, я не мог сосчитать. Они шли девятками, группа за группой, и не было видно конца этому воздушному войску, меченному черными крестами.

Мы отсчитывали секунды. Сейчас от тяжелых туш самолетов оторвутся бомбы. Сейчас…

Но ведущий самолет противника уже миновал наши боевые порядки. Он словно замер над площадью, где оборонялись фашисты, замер и вдруг ринулся в пике…

Весь груз его бомб обрушился на гитлеровцев. Какая ошибка! Да, какая счастливая для нас ошибка! Другие самолеты, вслед за командирским, тоже ринулись вниз, громя свои войска, и черная туча заволокла их оборону.

Машенька прыгала от восторга:

— Замечательно!.. И до чего же это приятно, товарищ полковник. Это же самый радостный сюрприз!

— Ты права, дочка, случай замечательный. Интересно было бы узнать, сколько их полегло от этого налета? А как сейчас чертыхаются те, что уцелели! Теперь, я думаю, главному их пилоту несдобровать…

— Вот уже и отбомбились, — негромко заметил Крылов. — А сейчас нужно ждать танковую атаку. Они всегда так действуют: после налета авиации в дело вступают танки.

Словно подтверждая слова комиссара, со стороны переулка кто-то крикнул:

— Танки!

Я обернулся к Крылову:

— Сколько у товарища Кужеля здесь, в переулках, орудий?

Он заметно смутился:

— Право, не могу знать.

Откуда-то снова появилась Машенька, она стала рядом с комиссаром:

— Я знаю, товарищ полковник. У товарища Кужеля восемь орудий и при каждом орудии по тридцати снарядов.

— Молодец, дочка… Ты совсем военный человек!

Машенька подбежала к забору, выглянула в переулок:

— Танки! Смотрите, они направляются прямо на батарею Волкова. Вон, видите, меж двумя сараями стоят четыре орудия? А танков шесть штук… Ох и задаст же им Волков перцу!

Я видел, как неподалеку, на перекрестке, шесть вражеских танков медленно выкатились из-за угла дома и одновременно развернулись к востоку. Фашистские танкисты действовали неторопливо и уверенно. Как видно, они сознавали свое превосходство в силе. Я подумал, что, возможно, за этой шестеркой шло еще большее количество машин. На это было похоже: танки словно бы ожидали подкрепления.

Однако медлительность объяснялась другой причиной. Я это понял, как только расслышал гул самолетов. Оказывается, танкисты ожидали, пока их авиация нанесет по нашим частям бомбовый удар.

Теперь фашистские летчики уже разобрались в расположении войск. Они стали бомбить наши позиции в центре города. Туча густого черного дыма, пронизанного огнем, заклубилась над кры-

шами зданий, над грудами развалин, где только недавно погасли пожары.

Машенька еще стояла у забора, и я крикнул ей, чтобы она вернулась в сарай. На бегу она глянула вверх, всплеснула руками:

— Ложитесь… Прямо сюда бомба летит…

Я бросился на землю. Земля всколыхнулась, и стены сарая зашатались, рухнула крыша, и где-то вверху с треском переломилась балка.

Задыхаясь, я выбрался из вороха соломы, глины, камней и щепок, схватил за плечи Машеньку, помог ей подняться на ноги. Вокруг уже бушевал огонь.

— Фугаска. Пятьдесят килограммов, — деловито сказала Машенька. — У нее очень сильная волна.

Я заметил: на ней тлела шинель.

— Ступай-ка, «фугаска», в медсанбат. Как только немного затихнет, отправляйся.

Отплевываясь от пыли, весь черный и продымленный, Крылов спросил:

— Куда же теперь перенести наш наблюдательный пункт?

— Я знаю, — сказала Машенька. — В ста метрах отсюда я заметила яму. Там безопасно от осколков.

Весь квартал, в котором мы находились, был охвачен пожаром. Дым застлал огород, переулок, соседние дворы. Переходя на новое место, мы потеряли наблюдение за танками врага. Я не заметил, как отбилась куда-то в сторону Машенька…

Неожиданно из-за сарая, в котором мы только что находились, выползли три фашистских танка. Тут было чему поразиться: как же они пробрались сюда совершенно незаметно? Наверное, из-за грохота бомбежки мы не расслышали приближения этих машин…

Мы бросились на землю и поползли вдоль забора. Дым пожара теперь маскировал нас. Но за танками должна была следовать вражеская пехота. Странно, что она не появилась. Где-то близко зарокотал станковый пулемет. Я понял: наш пулеметчик отсек фашистскую пехоту от танков.

Придерживаясь направления, указанного Машей, и миновав два или три двора, мы добрались до ямы, залегли.

Дым постепенно рассеивался, и вот перед нами мелькнула знакомая фигурка.

— Смотрите, товарищ полковник… товарищ комиссар! — звонко закричала Машенька. — Ну, что я вам говорила? Там, где стоят орудия нашего

дивизиона, ни один вражеский танк не пройдет. Пять танков горят, как свечи! Все они подбиты батареей нашего командира товарища Волкова!

— Правильно, детка! — улыбнулся Крылов. — Мы знаем, Машенька слов на ветер не бросает…

Через минуту мне донесли, что подбиты еще три вражеских танка, а их экипажи взяты в плен.

Это были те самые машины, что так неожиданно появились у сарая.

Среди пленных фашистов оказался командир танковой роты некий Ганс Гот. Его привели ко мне. Это был здоровенный, хмурый, пропахший водкой детина, с двумя Железными крестами на кителе. Пугливо озираясь по сторонам, он устало опустился на землю. Но Машенька строго приказала:

— Встать!

Фашист взглянул на нее изумленно, протер глаза и снова взглянул, брови его приподнялись, челюсть отвисла. Он тут же вскочил на ноги, вытянул руки по швам.

Картина была потешная, и наши телефонисты засмеялись.

Машенька строго посмотрела на них и приказала:

— Прекратить!..

— Дочка умеет командовать, — негромко заметил Крылов. — Верно, Машенька. Время не для смеха.

Я кликнул переводчика и, когда он, запыхавшись, спрыгнул в яму, приказал фашисту отвечать, когда он прибыл в Тим, какой он части и какая перед ним была поставлена задача. Ганс Гот заговорил совсем о другом.

— Война скоро закончится нашей победой, господин полковник, — сказал он. — Что ж, если сегодня я пленный. Завтра я опять буду начальником. Давайте договоримся: вы спасете мне жизнь, не расстреляете меня, а я похлопочу за вас… В благодарность я спасу вам жизнь…

Машенька стиснула кулаки и двинулась на фашиста:

— Да ведь он с ума сошел! Что он бормочет, мерзавец?! — Она обернулась ко мне. — Разрешите, товарищ полковник, я положу ему на лоб компресс? Может, он придет в себя и мы услышим что-нибудь поумнее!

— Вот что, Машенька, — сказал я. — Возьмите автомат и отведите этого болвана в штаб.

— Есть отвести в штаб! — откликнулась Машенька. — Шнель! Пошли!

Ганс Гот попятился, выкатил глаза и, заикаясь, что-то пробормотал переводчику.

Вдруг он опустился на колени и воздел к небу руки. Из его горла вырвалось тоскливое, протяжное «о-о-о!».

— Что он ломается? — снова рассердилась Машенька. — Ну-ка, прощелыга, вставай…

— Он просит вас, товарищ полковник, — объяснил переводчик, — дать ему другого конвоира. Он говорит, что, если его увидят пленные фашисты, для него это будет несмываемый позор: Ганс Гот — и вдруг под конвоем девчонки!

Машенька окончательно разозлилась: дуло автомата прижалось к животу фашиста.

— Ах, вот оно что! Да как же ты посмел, верзила, меня, советского воина, девчонкой называть? Марш, проходимец… Шнель!

Ганс Гот сгорбился, повернулся и, приподняв вверх руки, поплелся переулком впереди Машеньки.

Я кивнул автоматчику:

— Сопровождайте и вы этого ухаря. На всякий случай.

Крылов провожал Машеньку смеющимися глазами:

— Какая девочка…

Маша и Миша

Впервые они встретились в бою, и после этой встречи пришла настоящая большая дружба.

Маша — разведчица и санитарка. Миша — старший фельдшер санитарной роты 34-го гвардейского стрелкового полка.

Двое молодых людей, оба уже бывалые воины, они делили в окопах в приволжской степи и корку хлеба, и горечь утрат, и ежедневные опасности, и радость наших могучих контратак.

Я думаю, что они так крепко подружились потому, что поверили в отвагу друг друга. Машенька из Мышеловки не терпела людей, слабых духом, тех, кто трусил при свисте бомбы, «кланялся» пулям, отставал в атаках, когда каждая выигранная секунда времени была исключительно дорога. Миша Кравченко из Ахтырки постоянно находился на передовой. Этот отважный юноша пренебрегал любой опасностью. Если нужно было оказать помощь раненому, вынести его из-под огня, военфельдшер Кравченко не раз подползал к окопам противника и, отстреливаясь из автомата, отбиваясь гранатами, выручал товарища.

В полку о Мише Кравченко говорили, что ему удивительно везет. И действительно, он выходил невредимым из-под ураганного артиллерийского огня, из-под бешеного пулеметного обстрела, из-под бомбежек, каких еще не знала ни одна война, и даже пули снайпера не тронули его, хотя трижды пробили на нем ушанку.

Что бы ни случилось на передовой, как бы ни бесились фашисты, Кравченко оставался спокойным и уверенным, а его открытая, неизменная улыбка словно говорила: что ж печалиться, ведь мы живем!

Он хорошо играл на баяне и любил песни. Два или три раза мне довелось видеть его, когда их санитарная рота отдыхала. В долгой и яростной битве, которая началась у Волги летом 1942 года и завершилась только в начале февраля 1943 года, санитарам очень редко выпадали часы отдыха. Но когда все же рота получала возможность отдохнуть, Миша брал в руки свой потрепанный баян, и среди обугленных развалин, будто назло врагу, торжественно звучала и ликовала песня.

Он любил песни родной Украины, то грустные и задумчивые, то полные веселья и задора. В разрушенном городе, где на каждом шагу солдата караулила смерть, где снаряды и бомбы сплошь

перепахали землю, удивительно, необычно было слышать песню, повторенную эхом руин.

На передовой воины нашей дивизии привыкли их видеть вместе, Мишу и Машу. Если случалось, Машенька работала одна, у нее обычно спрашивали:

— Маша, а где Миша?

Если Миша работал один, вопрос соответственно изменялся:

— Миша, а где Маша?

Машу и Мишу знали в каждой роте дивизии, в каждом ее взводе, их любили, им верили.

Это доверие и любовь они заслужили. Я знаю, что и поныне живы многие десятки людей, которых в тяжелые, решающие минуты выручили в боях из беды Миша и Маша.

В сентябре 1942 года наш 3-й воздушно-десантный корпус был преобразован в 87-ю стрелковую дивизию. За стойкость и мужество в боях за город Тим дивизии присвоили звание гвардейской, переименовав ее в 13-ю гвардейскую стрелковую дивизию, и нам было приказано переправиться на правый берег Волги. Сразу же после переправы с левого берега наши батальоны вступили в бой.

После победоносного завершения этой битвы в Великой Отечественной войне наступил реши-

тельный перелом: наши войска приступили к планомерному разгрому бесчисленных полчищ противника.

В Сталинграде[2] наши бойцы бесстрашно сражались за каждую площадь и улицу, за каждый квартал и дом, за каждый подвал и этаж и даже за каждый камень.

23 и 24 сентября дивизия непрерывно вела бой, зачастую переходивший в рукопашные схватки, — штыками отбрасывала наседавшего врага. Фашистское командование рассчитывало прорваться к Волге, а затем атаковать нас во фланг ударом вдоль реки. Этот план сорвался. Гвардейцы не дрогнули перед танками врага. Истекая кровью, гитлеровцы были вынуждены перейти к обороне.

Ранним утром 24 сентября я находился на командном пункте. Вокруг дымились развалины зданий, до-горали остатки деревянных домов. Грохот танковых пушек, треск автоматов и пулеметов сливались в сплошной прерывистый гул. В воздухе то и дело взвизгивали пули, с коротким, пронзительным звоном рвались мины, и осколки, впиваясь в стены, дробили кирпич.

---

[2] Примечания: 2
С 1961 г. город носит название Волгоград.

Залегая в бомбовых воронках, укрываясь за грудами щебня и остатками стен, наши автоматчики косили фашистов с расстояния в двадцать — тридцать метров. Близко от меня разорвалась граната, рыжим клубком взлетела глинистая пыль, и, словно из самой пыли, пронизанной коротким блеском огня, вдруг поднялся человек.

Это была Машенька. Осматривая свою медицинскую сумку, она сказала кому-то с досадой:

— Ну что за паршивец — прямо в сумку осколок влепил!

Из-за развалин молодой голос отозвался:

— Больше не влепит, я его уложил…

Машенька бросилась через провал в стене, и только она исчезла, как на том месте, где стояла, грянула взрывом мина.

Я успел подумать: «Счастье». Промедли она лишь несколько секунд, и все было бы кончено. Но она услышала стон раненого и поспешила на помощь. Так иногда случается на войне: человека спасает исполнение долга.

А еще через две-три минуты я увидел и Мишу Кравченко. Запыленный, в изорванной шинели, он осторожно нес вместе с Машенькой среди развалин тяжело раненного солдата. Им предстояло пройти по переулку, где противник простре-

ливал каждый метр пространства, и я крикнул Кравченко, чтобы они шли вдоль стены…

Изумленный, он выпрямился и, не выпуская раненого, неловко козырнул:

— Как же вы, товарищ генерал… Вам нельзя здесь находиться, ведь вы руководите боем.

— Спасибо за напоминание, Миша. Я должен видеть, как идет бой.

Он очень смутился:

— Простите…

Возвращаясь на свой наблюдательный пункт, я видел, как Маша и Миша снова вошли в дымящийся квартал.

В тот день у них было много работы, и такой работы, которая не ждет, ибо каждая минута промедления — они постоянно помнили об этом — измерялась кровью солдат.

26 января 1943 года, после напряженной и кровопролитной борьбы, гвардейцы нашей дивизии, находившиеся на переднем крае в районе поселка Красный Октябрь, увидели, что с высотки навстречу спускаются советские танки. Высоко неся свое боевое знамя, воины бросились к танкам, и капитан Гущин первый обнял танкиста.

Эта незабываемая встреча означала, что сотни тысяч солдат и офицеров врага отныне были пол-

ностью окружены в руинах волжской твердыни.

Однако и окруженный, противник не думал сдаваться. Гитлеровские генералы надеялись, что им удастся вырваться из «котла».

Теперь перед воинами была поставлена задача — добить окруженную фашистскую группировку. Бои разгорелись с новой силой и велись буквально за каждый квадратный метр земли.

Еще раньше, в конце декабря, наши соседи — войска 39-й гвардейской дивизии — выбили фашистов из цехов завода «Красный Октябрь». В одном из этих разрушенных цехов был создан полевой лазарет, куда санитары доставляли раненых. Вблизи завода, в развалинах, еще удерживались гитлеровцы и зачастую открывали пулеметный огонь по цехам, но этот район наши бойцы уже считали тылом: здесь можно было ходить в полный рост.

После встречи в бою в конце сентября я долго не видел ни Мишу Кравченко, ни Машеньку из Мышеловки. Из донесений я знал, что они по-прежнему в дивизии и что командир полка дважды представлял их обоих к наградам.

За два дня до уничтожения окруженной вражеской группировки, когда над истерзанным городом прогремел последний выстрел, случайно я встретил Машеньку и Мишу в поселке Красный Октябрь.

Был вечер. В городе по-прежнему слышались громы орудий, и над Мамаевым курганом, изрытым снарядами и пропитанным кровью, висело тяжелое облако дыма. Там, на западном склоне, снова шел ожесточенный бой, но каждый наш воин помнил, что это были последние судороги

фашистской армии. Она еще сопротивлялась. Бессмысленно гибли тысячи немецких солдат. Горели их танки; падали, зарываясь в землю, их самолеты; взлетали на воздух от огня прямой наводкой их дзоты и отлично построенные блиндажи. Дивизии захватчиков таяли с каждым часом, и в само́м воздухе, насыщенном запахами горелого железа, порохового дыма и крови, уже угадывалась наша победа.

В этом многострадальном городе, где воины месяцами жили среди развалин, спали в подвалах, на щебне, на снегу, многим из них, конечно, было не до бритвы, не до иголки и утюга. А я всегда ценил в солдате подтянутость и аккуратность — проверенный признак внутренней дисциплины. И мне приятно было встретить двух солдат, которые, казалось, только что возвратились с парада.

Машенька и Миша Кравченко были одеты в новенькие шинели и ушанки, на ногах — добротные да еще начищенные сапоги.

Минутой позже, разговаривая с ними и присмотревшись, я заметил на их шинелях множество штопок, но сделаны эти штопки были так искусно, сукно разглажено так старательно, что с первого взгляда — ни дать ни взять, новая шинель.

Конечно же это Машенька в свободный ночной час где-то в уцелевшем подвале занималась их фронтовой одеждой. Но и выглядели оба свежими, радостными, будто и не были долгие месяцы в боях. Они тоже обрадовались встрече, и, когда я спросил, куда они спешат, Кравченко встал по стойке «смирно» и доложил:

— Выполняем приказ старшего начальника. Направляемся в цех завода «Красный Октябрь», чтобы осмотреть раненых. Ночью предстоит эвакуация их за Волгу, и мы должны отобрать первую группу.

— Вид у вас молодецкий, товарищи, — сказал я им и заметил, как радостно просветлело лицо Машеньки. — Дня через два-три, когда мы разобьем окруженного врага, поставлю я вас перед строем и скажу солдатам: вот пример…

— Мы в своей санитарной роте уже совещались об этом, — сказала Машенька. — Решили, что сразу же после того, как уничтожим в городе врага, все шинели, гимнастерки, шаровары, белье — в дезинфекцию и в ремонт. Через день, через два наша гвардия будет выглядеть как на параде!

— Правильно, Машенька! Тут наши врачи и санитары должны себя показать. Вам ведь и в мирные дни нет передышки.

Она тоскливо посмотрела на близкие дымы пожаров:

— В такое время мы живем! Но и в это время есть на земле радость…

Миша улыбнулся:

— Мы считаем минуты: сегодня, или завтра, или, может быть, через день окруженные фашисты поднимут лапы. Какой это будет праздник! Особенно наш…

— Почему ваш… особенно?

Они переглянулись, и я понял, что две эти жизни словно бы слились в одну, а Кравченко подтвердил мою догадку:

— Когда кончится битва, мы… поженимся…

— Ну что ж, дорогие, — сказал я им, — успехов и долгой жизни!

Однако мог ли я знать в ту минуту, что вижу Мишу Кравченко в последний раз!

Через два часа мне сообщили, что военфельдшер Михаил Кравченко убит вражеским снайпером в цехе завода «Красный Октябрь».

Позже я узнал, как это случилось. Фашистский снайпер притаился в развалинах на территории завода. Долгое время он ничем не выдавал себя, по-видимому имея задание убить кого-нибудь из наших высших офицеров. Но, кроме санита-

рок и санитаров, в цех никто не входил. Потом появился Кравченко. Здесь, среди медсестер и санитаров, он был старшим, и его приветствовали, как начальника. Снайпер, наверное, решил, что дождался высокой жертвы…

Когда, просматривая список раненых, Миша остановился посреди цеха и, вдруг уронив бумагу, медленно опустился на бетонированный пол, Машенька бросилась не к нему, нет, она метнулась к провалу в стене, откуда прогремел выстрел. Подхватив на бегу сломанный костыль, она надела на его конец свою ушанку и осторожно подняла над провалом. Ушанка тотчас же была пробита пулей.

Тщательно осмотрев ушанку, Машенька определила, откуда стрелял враг. При ней постоянно были две гранаты. Она пробежала вдоль стены и скользнула в другой пролом, у самого фундамента. А через минуту прогремели два разрыва гранат, и вражеский снайпер смолк навсегда.

Она вернулась в цех и молча опустилась перед Мишей на колени. Казалось, он спал, а она хотела поднять его, разбудить. Но Кравченко был мертв. Кто-то из санитаров с трудом отнял ее руки от его рук.

Через два дня многотысячное фашистское

воинство, окруженное в Сталинградском сражении, сложило оружие и сдалось на милость победителей.

На Курской дуге

Летом 1943 года, когда, разгромив отборные немецко-фашистские дивизии у Волги, наши армии развернули наступление на всех фронтах, гитлеровское командование решило нанести нам удар в районе так называемой Курской дуги.

В этот период я уже командовал корпусом, а в него входила и наша основная 13-я гвардейская дивизия. Ей снова пришлось вести ожесточенные бои с отборными эсэсовскими войсками.

После боев за Киев, Конотоп, Харьков, Тим, Щигры и после грандиозной битвы на Волге личный состав 13-й гвардейской переменился: многие воины ее пали смертью героев, многие были ранены и находились на излечении в госпиталях. Однако и сейчас я встречал здесь немало своих боевых друзей — воздушных десантников, с кем с первого боя делил все невзгоды войны.

Машенька из Мышеловки по праву считалась ветераном дивизии, она принимала участие в нашем первом бою у родного поселка и еще тогда спасла от гибели нескольких бойцов.

Вот почему, навестив дивизию перед боем

за станцию Обоянь и одновременно встретив четырех воздушных десантников, а пятую — Машеньку, я им обрадовался как родным: сколько прошли мы вместе трудных фронтовых дорог и сколько пережили за эти два года войны!

Мы встретились во время ужина, на кухне (я давно уже лично проверял, как кормят бойцов), и хотя ужинать не собирался, но не смог устоять перед дружным приглашением солдат и давно уже знакомого гвардейца-повара.

На долгом пути войны этот весельчак повар не раз брал в руки автомат, и даже бывалые воины признавали его «работу» отличной. Помнится, под Щиграми фашистская разведка случайно проникла в расположение кухни, но повар и его помощники не растерялись: шесть гитлеровцев остались лежать на снегу.

Говорят, день на войне равен году, а ведь рядом с этими славными людьми я воевал уже почти два года. Мне было приятно в кругу боевых товарищей отведать добротного солдатского борща и пахучей гречневой каши, тем более что нас обслуживала… Машенька.

— Что же это, дочка, — спросил я удивленно, — разведчица, боевая санитарка и… на кухне?

Она кивнула на повара:

— Дядя Кузьмич попросил помочь. Вечер какой-то особый, торжественный… Близко, очень близко родные места.

Я присмотрелся к Машеньке и заметил: лицо ее стало строже, серьезнее, во взгляде ясных черных глаз и в уголках губ затаились печаль и горечь.

Солдаты понимали, какую утрату понесла она в те последние дни сражения на Волге, и в их внимании к ней угадывалось больше чем уважение — глубокое братское чувство.

— Скажи мне, дочка, — спросил я Машеньку, — что ты думаешь делать после войны, какие у тебя планы?

Она ответила негромко:

— А ведь нам еще долго воевать.

— Конечно, путь до Берлина не близок, а все же ты сама сказала, что уже недалече родные места. Вот скоро мы выйдем на Днепр, и ты сможешь, если захочешь, вернуться в Киев…

— Нет, я с дивизией до победы.

— Отлично. Другого ответа я и не ожидал. Но после победы какие твои, Машенька, планы?

Она глубоко вздохнула:

— Конечно, я вернусь в Киев. Может быть, потому, что он мне родной, краше города я не видела. В Киеве я поступлю в институт. В педагогический.

Правда, придется крепко готовиться, но это не страшно. Я твердо решила идти в педагогический, чтобы стать учительницей и воспитывать детей. Миша мечтал стать врачом, а мне по душе школа. Я думаю, что учитель должен хорошо знать жизнь и должен быть очень добрым человеком. Какое это высокое и светлое дело — взять за руку маленького человека и терпеливо вести его из класса в класс и все отдать ему, все, что имеешь!..

Кто-то из солдат заметил в шутку:

— Другие любят не давать, а брать.

— Знаю, — сказала Машенька, — есть и такие. Только то люди прошлого, охотники за деньгóй. Им непонятно, что самое главное богатство человека — он сам, его ум, душевная красота, сердце… Богатство учителя никогда не разменивается и не уменьшается: чем больше он дарит, тем богаче становится сам.

Видимо, из упрямства тот же солдат сказал негромко:

— Красивые слова! Школьники быстро забывают учителей.

Машенька тряхнула головой:

— Неважно. Это неважно. Представь, Никаноров, что ты учитель. А твой бывший ученик…

Знаешь кто? Василий Чапаев! Скажи мне, ты бы гордился?

— Ого! — удивленно воскликнул солдат, а все другие засмеялись. — Еще бы не гордиться таким учеником!

— Ну а если бы он забыл и фамилию твою, и отчество?

Никаноров шумно вздохнул и сказал виновато:

— Верно. Доконала. Сдаюсь…

Наверное, Машенька немало размышляла над этими вопросами. Обычно молчаливая, сегодня она говорила увлеченно:

— У Кутузова, у Суворова, у Фрунзе, у Чапаева были учителя. Если они дожили до славы своих воспитанников, какая это радость — знать, что ты помог человеку взойти на вершину! Правда, нередко случается, что учитель не доживет до расцвета воспитанного им таланта. Все равно люди помнят, что он не напрасно прожил жизнь…

Я с удивлением слушал Машеньку: оказывается, я так мало знал о ней. Эта молчаливая девушка, скромная и бесстрашная, имела в жизни высокую цель — беззаветное служение людям.

— Я представляю себя в классе, — задумчиво говорила она. — Часто это случается: отвлекусь,

размечтаюсь и вижу себя в школьном классе. Вот они сидят передо мной, тридцать или сорок девочек и мальчуганов. Кто знает, нет ли среди них будущего Мичурина или Циолковского? Подумаю об этом, и сердце сильнее стучит, и хочется жить и жить, и не верится, что смерть каждый день ходит рядом с нами…

…Противник начал атаку на рассвете. Сначала он обрушил на наши позиции огонь целой сотни орудий, а потом из-за пригорка в лощину ринулись три десятка его танков.

Наши позиции молчали. В узеньких щелях, ничем не выдавая себя, замерли истребители танков. Фашисты были озадачены обстановкой: только вчера здесь шел бой за каждую высотку, овраг, межу, а теперь их танки и пехота продвинулись более чем на километр, не услышав с нашей стороны ни единого выстрела. Возможно, они решили, что, опасаясь мощной танковой атаки, мы отошли на другой рубеж?

Тридцать новых грозных машин, как видно только что доставленных из Германии и еще не побывавших в боях, развернулись на склоне долины и прокатились над передовыми щелями нашей обороны. Пожалуй, танкисты противника даже не обратили внимания на эти траншейки,

расположенные в шахматном порядке и отлично замаскированные травой. Но едва танки перемет-нулись через головы наших бойцов, затаившихся в щелях, как передний край ожил и двенадцать вражеских машин загорелись одновременно.

Потрясающая картина! Словно сама земля вдруг плеснула неистовым огнем по бакам, по гусеницам, по моторам танков, по черным кре-стам и белым черепам, намалеванным на их броне. Почти тотчас грянули автоматы, и пехота противника, ища укрытий, заметалась по степи.

Позже я узнал, что здесь, под Обоянью, кроме других частей врага, против нас сражалась диви-зия СС, прибывшая недавно из Франции. Где-то там, под Парижем, эти вояки порядочно разжи-рели на даровых хлебах и привыкли бахвалиться своими победами. Они не знали настоящей вой-ны, и наши гвардейцы преподали им первый урок, уничтожив девятнадцать танков и почти всю наступавшую пехоту.

Бой закончился в полдень, мы окружили и взяли штурмом станцию Обоянь, захватив зна-чительное число пленных и трофеи. На поле боя осталось свыше четырехсот гитлеровцев и двадцать три сожженных и подорванных фашистских танка. Наши потери убитыми дости-

гали ста человек.

Просматривая список потерь, я прочитал фамилию — Боровиченко. Фамилия мне показалась знакомой, хотя я не подумал о нашей боевой санитарке; в дивизии ее звали просто — Машенька из Мышеловки.

И вдруг мне припомнился Голосеевский лес, и напряженный бой у окраин Киева, и двое беженцев в моем блиндаже, дядя и племянница Боровиченко.

Я схватил трубку телефона и вызвал врача.

Как бы часто смерть ни была нашей гостьей, к ней невозможно привыкнуть, не хотелось верить, что отважной Машеньки нет в живых.

Врач мне ответил:

— Да, это случилось на рассвете…

Солдат Алексей Никаноров, тот самый, что вечером в саду во время нашей беседы пытался возразить ей, а потом сдался, на следующий день уже на станции Обоянь рассказал мне подробности.

Когда танковая атака противника захлебнулась, Машенька бросилась к щелям, чтобы помочь раненым. Здесь раненых было мало, три или четыре человека: щели надежно оберегали бойцов от пуль и осколков. Одному солдату с

перебитой рукой Машенька помогла выбраться из траншеи, другого, с пулевым ранением в шею, вытащила за пояс и передала подоспевшим санитарам. Возможно, она не заметила, что уцелевшие танки врага возвращаются на исходные позиции. Одна из этих машин мчалась прямо на Машеньку, занятую третьим раненым. Это был лейтенант Корниенко, воин из вновь прибывших, новичок в бою. Он сразу же попросился на отважное дело и, пропустив над собой вражескую машину, сумел ее поджечь. Однако он был недостаточно осторожен и слишком рано попытался выйти из щели. Автоматчик противника серьезно ранил его в грудь.

Корниенко был рослый, здоровый парень, и Машенька едва тащила его на руках. Вероятно, потому, что ноша была слишком тяжелой и Машенька боялась ее уронить, она не заметила приближавшегося танка. А потом, когда заметила, поняла, что с тяжело раненным лейтенантом ей не успеть добежать до щели.

Она опустила Корниенко, упала рядом с ним, чтобы прикрыть его своим телом, и метнула гранату. В ту же секунду у ее ног разорвался снаряд.

Танк с перебитой гусеницей завертелся на месте, пыля и глубоко вспахивая землю. Через

несколько минут его добили наши бронебойщики. Корниенко остался жив, а Машенька, пожалуй, даже не ощутила боли. Осколок снаряда ударил ей в грудь и пробил сердце. Это случилось на рассвете, в долине, где шумят сочные травы, а неподалеку, на окраине селения, зеленеют яблоневые сады.

На следующий день Машеньку хоронили. Воины-гвардейцы не умели плакать и стыдились случайной, непрошеной слезы как проявления слабодушия. Но тишина, повисшая над строем, была как немое рыдание, как клятва.

У ее могилы комиссар полка сказал несколько слов. Мне запомнился только обрывок фразы: «…Будем верными в дружбе, как ты, наша светлая Машенька из Мышеловки».

Время клонилось к вечеру, накрапывал дождь, и на западе в тяжелой туче густыми багровыми бликами кровоточил закат.

* * *

Вот и все, что я мог вспомнить об этой удивительной девушке в тот вечер у пионерского костра.

Утром я простился с ребятами, с их вожатыми и учителями. Автомеханик дядя Фёдор действи-

тельно оказался «профессором» по автоделу. Он вместе с Анатолием отремонтировал машину «с гарантией» и, пожимая мне руку, посмеиваясь в рыжие усы, сказал:

— Слушал я вас вчера и, право, будто заново все пережил. Вот и сейчас будто вижу их живыми — капитана Сабодаха, Машеньку из Мышеловки, шофера Денисенко, Федю Бугрова…

— Постойте, разве вы тоже их знали?

Он наклонил голову, и я заметил, как густо блестит из-под его кепки седина.

— Я участвовал в том ночном рейде в Гутрово.

— Значит, вы были в нашей дивизии?

— Да, от самого Киева и до Днестра.

Так вот почему с первого взгляда мне показалось таким знакомым это обветренное, загорелое лицо!

Мы обнялись, а дети вокруг нас захлопали в ладоши и зашумели.

Окруженные ребятами, мы прошли тропинкой на поляну, где еще виднелись заросшие травой наши окопы. С расстояния времени в двадцать пять лет я словно бы снова слышал знакомые голоса и нарастающий гул атаки. А когда из березового подлеска на поляну вышла, разгребая руками высокую траву, смуглая девочка, строй-

ная и черноглазая, я был готов поверить в чудо — ну, точно Машенька из Мышеловки!

Нет, это была Маша Воронок…

А чудо все же существовало: я видел по лицам, по взглядам ребят, что им передано самое главное — мужество отцов и ясная верность дружбы.

